

СЕРГЕЙ ЕРШОВ

ГОРОД, КОТОРОГО НЕ БЫЛО



Сергей Ершов

Город, которого не было

<https://litres.ru/74258818>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Рубеже улица существует, пока трое независимых свидетелей помнят её одинаково. Здесь память питает маяки, архив определяет границы реальности, а забывание может стать смертным приговором.

Когда аварийный картограф Лада Вейр замечает исчезновение жилого дома, город отрицает и сам дом, и людей, которых она спасла. Вскоре пропадает целый причал, погибает её наставник, а в руки Лады попадает карта с невозможной двадцать первой береговой линией.

След ведёт к тайной программе Палаты Мер, готовой вычеркнуть нижние кварталы ради спасения богатого центра. Чтобы остановить чистку и не погубить весь город, Ладе придётся объединить непримиримых врагов — и заплатить собственными воспоминаниями.

Роман о памяти и власти, цене общего прошлого и праве человека не быть стёртым.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Дом без адреса	5
Глава 2. Три подписи	14
Глава 3. Исчезнувший причал	24
Глава 4. Следователь	34
Глава 5. Чужая подпись	44
Глава 6. Разрешение на память	54
Глава 7. Две тени	64
Глава 8. Список	73
Глава 9. Закрытый архив	83
Глава 10. Двадцать первая линия	92
Глава 11. Подозреваемая	102
Глава 12. Первый порог	111
Глава 13. Слабая версия	121
Глава 14. Голос в стекле	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Сергей Ершов

Город, которого не было

Глава

КНИГА ПЕРВАЯ

Город, которого не было

Роман из цикла «Архив невозможных берегов»

Сергей Ершов

Глава 1. Дом без адреса

Дом исчезал не сразу. Сначала у него пропал номер.

Лада заметила белый прямоугольник на синей эмалевой табличке, когда пробиралась через утренний рынок. Торговцы уже подняли парусиновые навесы; с них капала ночная соль, пахло копчёной скумбрией, мокрой верёвкой и горячим тестом. Всё было на месте: корзины, ругань грузчиков, медные полосы городской карты в мостовой. Только на углу дома, между лавкой ножовщика и окном второго этажа, зияла чистая синева.

Следом исчезла дверь.

Не растворилась — человеческий глаз ещё различал серые доски и латунную ручку. Но взгляд соскальзывал с них, как вода со смазанного маслом стекла. Женщина с кувшином трижды прошла мимо собственного подъезда и остановилась, растерянно прижав посуду к животу.

— Не толпиться! — крикнула Лада, уже вытаскивая из сумки складную рейку. — Кто живёт в этом доме, отойдите к фонтану. Остальные — за жёлтую линию.

— В каком доме? — спросил мясник.

Лада подняла голову. На втором этаже девочка била ладонями по стеклу. Рот её двигался, но крик тонул внутри комнаты.

Медные полосы под ногами потускнели.

— В этом, — сказала Лада. — Пока ещё в этом.

Она защёлкнула рейку, развернула три колена и прижала один конец к мостовой. На верхнем конце вспыхнула тонкая нить свидетельского света. Белая, значит, город не признавал её измерение. Лада выругалась и повернула настроечное кольцо.

— Имя? — спросила она женщину с кувшином.

— Тева Марр.

— Адрес?

Тева открыла рот. На лбу выступил пот.

— Тут. Я... мы над ножами. Третий... Нет, второй.

— Сколько окон?

— Пять.

— Шесть, — сказал ножовщик. — Всегда было шесть.

Спор ударил по дому сильнее ветра. Карниз дрогнул и сделался прозрачным; сквозь него проступило серое небо. Девочка за окном исчезла по пояс.

Лада воткнула в шов первый штырь.

— Не вспоминайте красиво. Вспоминайте точно. Тева, что сломано на лестнице?

— Третья ступень снизу.

— Вторая, — возразил ножовщик.

— Для вас вторая, потому что первую залило бетоном, — выпалила Тева. — А я живу здесь двадцать два года.

Нить на рейке пожелтела. Одно свидетельство принято.

Лада схватила мальчишку-разносчика за рукав.

— Ты носил сюда хлеб?

— Может.

— Кому?

— Старому Пару. Он всегда требует вчерашнюю корку, потому что свежая липнет к зубам.

Второй штырь вошёл между плитами. Свет стал янтарным. Дом вернулся на одно мгновение: мокрые стены, цветочные горшки, ржавый водосток. Изнутри донёсся детский крик.

Не хватало третьего независимого голоса.

Ножовщик повторял слова Тевы, уже понимая, что нельзя. Рынок шумел, но никто не хотел связывать свою память с аварийным домом. Если шов лопнет, свидетель мог потерять то, что отдал. Люди Рубежа охотно помнили свадьбы и победы; треснувшие лестницы всегда оказывались ничьими.

Лада посмотрела на маяк. Он возвышался над крышами, тонкий и белый, словно костяная игла, которой город был пришит к берегу. На верхней линзе бежала тёмная полоса.

— Я свидетель, — сказала она.

Рейка отозвалась красным: заинтересованная сторона. Картограф не считался независимым.

Девочка в окне ударила ладонью ещё раз. Стекло пошло белыми кругами. Лада знала эту стадию. Через минуту дом перестанет иметь внутреннюю сторону. Люди не упадут и не задохнутся. Просто некому будет вспомнить, что они куда-то делись.

Она сорвала перчатку и приложила ладонь к медной полосе.

— Аварийное свидетельство. Лада Вейр, картограф третьего разряда. Предлагаю равноценный залог.

Из мостовой пришёл холод.

Назовите память.

Слова не прозвучали, но возникли у неё за зубами.

Лада перебирала то, чем могла заплатить. Вчерашний ужин. Цвет пуговиц на плаще Керна. Дорогу к мастерской. Башня отбрасывала мелкие монеты: дому с семьёю жильцами нужна была память, прожитая много раз.

И тогда внутри неё сама собой поднялась песня. Материнская — без слов, только четыре тёплые ноты, которые мама напевала, когда за окном шторм клал море на бок. Лада не слышала её много лет, но знала, что песня там: в движении руки по волосам, в запахе печёного яблока, в уверенности, что гроза не войдёт в комнату.

— Нет, — прошептала она.

Дом качнулся. Девочка исчезла до плеч.

— Берите.

Медная полоса обожгла ладонь.

Песня не оборвалась. Она ушла целиком, и на её месте осталось точное знание: когда-то мать пела. Лада помнила обстоятельства, но не могла восстановить ни одной ноты. Словно видела закрытую дверь и знала, что за ней комната, которой больше нет.

Третий штырь вспыхнул.

Дом обрушился в реальность всем весом. Зазвенели окна, из водостока хлынула вода, дверь распахнулась. Тева вскрикнула и бросилась внутрь, но Лада перехватила её.

— Сначала выводим всех. По одному. Называйте имя на пороге.

Старик Пар вышел первым, ругаясь на свежий хлеб. Потом две сестры-прачки, молчаливый ученик ножовщика, женщина с грудным ребёнком. Девочку со второго этажа Лада вынесла сама. Та обхватила её шею и пахла пылью и мятным мылом.

— Я кричала, — сказала девочка.

— Я слышала.

— Никто не смотрел.

Лада поставила её на мостовую и только тогда заметила мальчика в слишком большом сером пальто. Он стоял на крыше рыбного ларька, жевал украденную лепёшку и наблюдал так спокойно, будто дома исчезали каждое утро.

— Эй! — окликнула Лада. — Ты видел начало?

Мальчик спрыгнул, мягко согнув колени.

— Видел конец.

— Как тебя зовут?

— Смотря кому.

— Городскому картографу.

— Тогда никак.

Он скользнул в толпу. Лада хотела догнать его, но рей-

ка пискнула: временная фиксация заканчивалась. Пришлось вносить дом в аварийный журнал.

Она написала: «Рыночная площадь, северный ряд, дом...»

Перо остановилось. На табличке всё ещё не было цифры. — Семнадцать, — сказал мальчишеский голос за плечом. Лада обернулась. Серое пальто мелькнуло между корзинами.

— Здесь нет семнадцатого дома, — сказал подошедший распорядитель рынка. — После пятнадцатого идёт девятнадцатый. Так было всегда.

Лада посмотрела на спасённых. Семеро людей жались друг к другу у фонтана, и уже прохожие огибали их с раздражением, как бесхозный товар.

В медпункте стало хуже.

Дежурная врачевательница согласилась принять девочку, но регистрационная линза не находила ни её имени, ни имени матери. Чернила на бумажной карточке бледнели раньше, чем Лада успевала закончить строку.

— Пишите углём, — велела она.

— Уголь тоже не дурак, — ответила врачевательница. — Он подчиняется карте.

Лада прижала карточку локтем и написала имя девочки собственной кровью из обожжённой ладони: «Рина Марр». Буквы продержались.

— Это ненадолго, — сказала врачевательница.

— Ненадолго — тоже время.

За окном ударил башенный колокол. Один раз — малое расхождение. Дважды — неподтверждённый участок. На третьем ударе люди в коридоре замолчали.

Три удара означали, что город отвергал происшествие.

На стол легла свежая выписка Палаты Мер. Печать ещё блестела. Лада прочла её один раз, потом второй:

«Осмотр северного ряда Рыночной площади завершён. Жилых строений не выявлено. Пострадавших нет».

Врачевательница осторожно отодвинула от себя карточку Рины.

Лада вышла на крыльцо. Мальчик в сером пальто сидел на парапете через улицу.

— Семнадцать, — повторил он. — Дом номер семнадцать. И людей было восемь.

— Я вывела семерых.

Он перестал жевать.

— Значит, одного город уже доел.

Лада вернулась к дому. Внутри пахло известью и ужином. Она считала кровати, чашки, крючки: семь, семь, восемь. В каморке стояли сапоги и миска с кашей. Каша ещё парила.

— Чьи? — спросила она.

Жильцы переглянулись. Тева сказала, что каморка всегда пустовала. Старик Пар возразил: там жил молчаливый человек, который чинил красильные котлы. Имя не пришло ни одному.

Лада коснулась восьмого стула. Дерево сохраняло тепло, а красные отпечатки на полу шли к месту исчезнувшей двери.

— Назовём оставшееся: мужчина, работал руками, красная краска.

Каморка сделалась яснее. На гвозде появился серый шарф, в кармане — гайка с клеймом насосного квартала.

Распорядитель рынка стоял в проёме.

— Осмотр завершён. Всем выйти.

— Здесь был восьмой жилец.

— Семь заявителей.

— Восемь мисок.

— Имущество не свидетельствует.

Лада показала тёплую кашу:

— А это?

— Остывающий продукт.

Он говорил так, будто точность слов освобождала от необходимости видеть. За ним двое чистильщиков разворачивали серую ткань, которой накрывали неподтверждённые вещи. Лада забрала гайку прежде, чем они дошли до каморки.

Сава ждал снаружи.

— Красные руки, — сказал он. — Он держал дверь, пока ты тянула девочку.

— Зачем?

— Потому что кто-то должен был остаться внутри и помнить, что дверь есть.

— Кто его поставил?

Мальчик кивнул на чистильщиков. Один вынес миску. Серая ткань коснулась края, и Лада забыла, почему насчитала восемь.

Она стиснула в кулаке гайку. На ней были свежие вмятины от красных пальцев.

— Его было восемь, — повторила она.

— Уже лучше, — сказал Сава. — Только не отдавай железку.

Чистильщик повернул к ним гладкую маску.

— Тебя нет в списках.

— Это взаимно.

Он ушёл, растворившись среди навесов. Лада записала восьмого как неизвестного свидетеля, сунула лист под рубашку и только потом позволила чистильщикам опечатать дом.

К вечеру рынок вернулся к торговле. Люди обходили семерых спасённых, и ни один покупатель уже не спрашивал, почему на северном ряду возникло строение без номера.

В служебном журнале напротив записи Лады проступила другая строка: «Аварийное вмешательство не производилось».

Она перечеркнула её.

Строка появилась снова.

Тогда Лада вырвала страницу. Под ней лежал готовый чистый лист, на котором уже было отпечатано: «Пострадавших нет».

Глава 2. Три подписи

К полудню дом номер семнадцать снова стал похож на дом, а его жильцы — на мошенников.

Они стояли у окна ремонтной конторы, передавая чиновнику вещи, которые должны были доказать их существование: ключи, квитанции, детские рисунки. Чиновник осматривал каждую улику с вежливым сожалением и возвращал.

— Ключ без зарегистрированного замка подтверждает только наличие ключа.

— Я этим ключом двадцать лет дверь открывал, — сказал старик Пар.

— В заявлении вы указали двадцать два.

— Двадцать два я там живу. Первые два дверь не запиралась.

— Противоречие, — чиновник поставил серую точку.

Лада навалилась ладонями на стойку.

— Аварийная рейка приняла фиксацию.

— Временную. Для постоянного восстановления нужны три независимых свидетельства, не связанных родством, долгом, наймом или совместным местом проживания.

— Ножовщик, хлебный разносчик и я.

— Вы исполняли служебные обязанности, ножовщик арендует стену спорного строения, разносчик получает деньги от жильца. Ни одного независимого.

Чиновник говорил негромко. За его спиной в шкафах лежали тысячи адресов, каждый на костяной пластинке. Когда Рубеж был молод, такие пластинки вырезали из рёбер китов; теперь — из прессованной соли, но старое название сохранилось. Лада подумала, что власть почти всегда переживает материал, из которого её сделали.

— Тогда выдайте временный акт.

— Три подписи.

— Чтобы получить три подписи, людям нужен адрес. Чтобы восстановить адрес, нужны три подписи.

— Именно поэтому процедура устойчива.

Старик Пар засмеялся и закашлялся.

Лада заполнила форму, поставила свою подпись в графе «заинтересованный специалист» и вышла прежде, чем сказала то, что обеспечило бы ей месяц без жалованья.

На площади шёл мелкий соляной дождь. Рина сидела на ступенях, мать заплетала ей волосы. Остальные жильцы спорили, где ночевать: городское убежище принимало только зарегистрированных, гостиницы требовали адрес поручителя.

— Я вернусь, — сказала Лада.

— Нас здесь не будет, — ответила Тева. — Стража велела освободить несуществующий участок до заката.

У стены напротив стоял Керн Дай, её начальник и когда-то учитель. Высокий, сухой, в старом плаще с латками того же цвета, что ткань: тщеславие бедного человека, как называл

он аккуратность.

— Ты отдала память, — сказал он вместо приветствия.

— Семь человек вышли.

— Восемь вошли?

Лада посмотрела на него.

— Откуда вы знаете?

— В аварийном журнале за прошлый год дом семнадцать потребовал восемь водных талонов. Запись исчезла сегодня утром, но я имею дурную привычку читать бумаги до того, как они становятся правдой.

— Кто был восьмым?

— Если бы знал, назвал бы.

Керн коснулся пальцами её перевязанной ладони.

— Что отдала?

— Песню.

Его лицо дрогнуло.

— Какую?

— Если бы помнила, цена была бы невысока.

Он хотел что-то сказать, но только выдохнул.

— Найди подписи. Потом поговорим.

Ножовщик подписал бы что угодно, лишь бы стена не исчезла вместе с полками, но его уже признали зависимым свидетелем. Хлебный мальчик ушёл на другой конец города. Лада обошла торговцев. Рыбница помнила цвет занавесок, торговец пряностями — как из окна лили воду ему на товар, сборщик пошлины — что начислял дому сбор. Каждый от-

ступал, увидев форму.

— Если подпишу, а дом снова поплывёт, с меня будут брать память, — объяснил сборщик. — У меня трое детей. Пусть Палата сама подтверждает.

Палата подтверждала только то, что уже было подтверждено.

К вечеру Лада добыла одну допустимую подпись — от трубочиста, который чистил дымоход семь лет назад и теперь жил на противоположном берегу. Вторую дала слепая продавщица ниток: она не видела дома, зато точно знала, как эхо от его стены возвращало звук колокольчика. Чиновник принял обе.

— Нужна третья.

На улице стражники уже обносили дом серой верёвкой. Жильцы стояли с узлами. Рина держала деревянную птицу, у которой было только одно крыло.

Тогда сверху, из открытого окна конторы, посыпались костяные пластинки. Чиновник вскрикнул. Серое пальто мелькнуло на карнизе.

— Лови! — крикнула Лада.

Стражник послушно кинулся к ближайшей падающей пластинке. Мальчик прыгнул с водостока, проскользнул под верёвкой и сунул Ладе в руку синюю табличку.

— Вернул имущество, — сказал он. — С тебя ужин.

— Это ты был утром.

— А ты всё-таки картограф.

— Имя.

— Сава.

— Дальше?

— Дальше обычно бегу.

Он так и сделал. Лада догнала его у фонтана: не потому, что была быстрее, а потому что знала, какая медная линия под ногами слегка приподнята. Сава зацепился носком и полетел в воду. Вынырнул злой, с волосами на глазах.

— Нечестно.

— Карты вообще придуманы не для честной погони. Откуда табличка?

— Со стены.

— Сегодня утром там была пустая.

— Сегодня — да.

Лада перевернула эмаль. К изнанке прилип клочок сургуча, почти чёрный, с оттиском: круг, пересечённый вертикальной чертой. Ниже — «ПР-0».

Печать была свежей. Сургуч ещё сохранял запах можжевелового масла.

— Где ты её взял на самом деле?

Сава выжал рукав.

— В тележке архивных чистильщиков. Они забирают всё, чего не было.

— Ты видел восьмого жильца?

Мальчик перестал кривиться.

— Видел, как его не стало.

— Кто?

— Мужчина с красными руками. Он держал дверь изнутри, пока вы вытаскивали остальных. Потом дом решил, что двери нет.

— Почему ты помнишь?

— Потому что я не подписывал с городом договор забывать.

Стражники приближались. Лада сунула табличку под плащ.

— Дашь показание — станешь третьим свидетелем.

— Стану адресом. А адреса удобно находить.

— Тебя кто-то ищет?

— Все ищут кого-нибудь другого.

Он оглянулся на Рину и, вздохнув так тяжело, словно был стариком Паром, вернулся к конторе.

Чиновник долго проверял его независимость. Родства нет. Найма нет. Места жительства нет — это вызвало отдельный спор, но отсутствие зарегистрированного дома не делало человека жильцом спорного. Сава описал шестое окно, запах свежего хлеба, мужчину с красными руками и трещину в форме рыбы над дверью.

— Подписывай здесь, — сказал чиновник.

— Я читать умею.

— Я не сомневался.

— Тогда не закрывайте пальцем нижнюю строку.

Чиновник убрал палец. Там было напечатано: «Молчание

по дальнейшим изменениям считается согласием».

Сава зачеркнул строку.

— Молчание ничего не считается.

Он поставил короткую угловатую подпись.

Дом вздохнул. На табличке проступила цифра 17. Жильцы закричали; Тева прижала к себе Рину, старик Пар поцеловал косяк и тут же пожаловался на сквозняк.

Лада смотрела не на них. На изнанке таблички сургуч ПР-0 растаял от тепла её ладони. Под ним обнаружились процарапанные слова:

«ОЧИСТКА ПОДТВЕРЖДЕНА. СВИДЕТЕЛИ: 0».

Три подписи понадобились, чтобы вернуть дом.

Чтобы стереть его, кому-то не понадобилось ни одной.

В конторе погасли лампы. Чиновник попытался забрать табличку, но Лада прижала её локтем.

— Акт ещё не выдан.

— Дом восстановлен автоматически.

— Тогда выдайте подтверждение.

Он просунул форму в регистрационную щель. Бумага вышла с тремя подписями, но подпись Савы превратилась в пустую линию.

— Незарегистрированное лицо не может быть свидетелем, — сказал чиновник.

— Пять минут назад могло.

— Пять минут назад система не завершила проверку.

Сава забрал перо и снова расписался, сильнее продавив

бумагу.

— Теперь линия есть.

Чернила исчезли.

Он расписался на деревянной стойке. Потом на собственной ладони. Стойка и кожа сохранили имя.

— Видите? — сказал он. — Это ваша бумага притворяется.

Очередь одобрительно загудела. Чиновник покраснел: не от стыда, а от страха перед публичным прецедентом.

Лада предложила внести словесное описание свидетеля. Рост, серое пальто, шрам у подбородка. Сава возразил против возраста.

— Тринадцать, — сказала она.

— Может, пятнадцать.

— Может?

— Свидетелей моего рождения не осталось.

— Без даты рождения карточка невозможна, — сказал чиновник.

Слепая продавщица ниток из очереди сказала:

— Я слышала его голос каждую зиму четыре года. Он вырос примерно на терцию.

Трубочист добавил, что мальчик пролезает в дымоход шириной в пол-локтя. Тева подтвердила шрам: Сава получил его прошлой весной, вытаскивая Рину из канала.

Три человека, сами того не желая, начали создавать мальчику биографию.

Сава отступил.

— Хватит.

— Это поможет закрепить подпись, — сказала Лада.

— А потом закрепит меня там, где им удобно.

Он сорвал форму, разорвал только нижнюю часть с описанием и вернул остальное.

— Свидетельствовал дом. Себя не отдавал.

Илар ещё не появился в их жизни, но его будущая формула уже жила в упрямстве мальчика: согласие на одно не является согласием на всё.

Чиновник наконец выдал временный акт. В графе третьего свидетеля написал: «неустановленный гражданин, право отзыва сохранено».

Кивнул

На улице Тева предложила ему место в каморке исчезнувшего мужчины.

— У нас всё равно лишняя кровать.

— Не лишняя, — резко ответил он. — Его.

Тева смутилась, будто забыла не человека, а приличное слово.

— Тогда на кухне.

— У меня есть где.

— Где?

— Там, где меня сегодня не ищут.

Он ушёл, прежде чем Рина успела отдать ему деревянную птицу.

Лада проводила его взглядом и заметила чистильщика у фонтана. Серая маска была повёрнута вслед Саве. В руке он держал дощечку с двумя колонками: «свидетельства принято» и «свидетели учтены».

В первой стояло число три.

Во второй — два.

Лада подошла, но чистильщик опустил дощечку в воду. Чернила расплылись, фонтан на секунду потемнел. Когда вода очистилась, на дне лежала синяя адресная табличка другого дома.

— Какого? — спросила Лада.

Гладкая маска наклонилась.

— Следующего.

Чистильщик ушёл. На табличке проступил номер насосного квартала.

Глава 3. Исчезнувший причал

Причал Восточный-Шесть исчез в 09:17 по башенным часам. За минуту до этого на нём находились сто восемьдесят три человека, двенадцать грузовых телег и одна собака, не числившаяся ни в одном реестре.

Лада прибыла в 09:14.

Она бежала по набережной, придерживая сумку с рейками. Впереди над водой стоял странный туман — не белый, а бесцветный, выедавший краски. Красные флаги делались серыми, лица грузчиков казались нарисованными углём.

— Освободить настил! — крикнула Лада.

Диспетчер, круглый человек в жёлтом жилете, преградил ей путь.

— Погрузка «Дальней Пенны». Отставание сорок минут.

— У вас расходится карта.

— У меня приказ не прерывать работы.

Лада ткнула аварийную рейку в щель. Свет не появился вовсе.

— У вас уже нет привязки к берегу.

Диспетчер показал бумагу с красной каймой.

— «До отдельного распоряжения запретить эвакуацию и любое формирование свидетельских групп». Печать Палаты. Время выдачи — восемь десять.

За час до аварии.

Лада вырвала лист, успев увидеть внизу знакомый круг с чертой.

— Эта печать незаконна.

— Скажите это моему жалованью.

Она ударила рукоятью рейки по сигнальному колоколу. Звук вышел глухим, будто металл обернули тканью. Несколько грузчиков подняли головы. Остальные продолжали катить бочки к кораблю, который уже не отбрасывал отражения.

— Слушайте меня! Причал теряет свидетельство. Назовите вслух, где вы стоите.

— Восточный-Шесть, — ответил кто-то.

— Восточный-Пять, — возразил матрос с судна. — Шестой на той стороне крана.

На старой карте причал действительно был пятым. После расширения гавани номера сдвинули, но моряки пользовались прежними. Две уверенности столкнулись. Доски под ногами стали мягкими.

— Не номер! — крикнула Лада. — Физические признаки. Что соединяет причал с берегом?

— Три сходни.

— Четыре!

— Южная цепь.

— Её сняли весной.

Каждое противоречие расширяло бесцветный туман. Лада пробила к коренной свае. Там должна была идти основ-

ная медная лента. Она нашла её перерубленной аккуратно, свежо, одним ударом тяжёлых кусачек.

Это была не авария.

Лада соединила концы голыми руками. Медь загудела, обожгла старую рану. На мгновение причал вернул цвет.

— Теперь! На берег!

Люди побежали. Диспетчер хватал их за рукава, крича о приказе, пока первая сходня не провалилась не вниз, а в отсутствие: её середина просто перестала продолжаться.

Кто-то столкнул диспетчера с пути. Телеги опрокинулись. Бочки покатались, одна раскололась, и по доскам разлилось китовое масло. Собака носилась среди ног, лая без звука.

Лада удерживала медь. Каждая секунда снимала с ладоней кожу. Она видела бегущих людей, считала: двадцать, пятьдесят, семьдесят три. Береговые рабочие протягивали багры. Маэна Даль появилась у насосного домика с двумя техниками.

— Линза не видит причал! — крикнула она.

— Дай резервный свет.

— Башня отказала.

— Башня не умеет отказывать.

— Сегодня научилась.

Диспетчер остановился посреди настила. Смотрел на бумагу, которую всё ещё держал в руке.

— Если уйду, меня уволят.

— Если останетесь, вас не было.

Он сделал шаг к берегу.

В 09:17 медная лента в руках Лады стала холодной.

Причал исчез.

Не было всплеска. Корабль осел одним бортом к воде там, где его больше не поддерживали канаты. Люди, не успевшие добежать, не упали. Мгновение они стояли в воздухе, прозрачные и очень удивлённые. Потом за ними сомкнулся обычный утренний залив.

На поверхности плавала собака. Она выла, и теперь звук был слышен.

Лада сидела на камнях, сжимая два обрезанных конца меди. Вокруг спасённые называли имена пропавших, пока ещё помнили. Маэна опустилась рядом.

— Сто один вышел, — сказала она.

— Сто восемьдесят три было.

— Диспетчер?

— Не знаю.

Маэна достала пузырёк с охлаждающей солью и вылила на ладони Лады.

— Будет больно.

— Уже.

— Я не про руки.

От маяка шёл ровный белый свет. Башня была прекрасна и невозмутима. На её верхней линзе снова прошла тёмная полоса.

Внутри башни Маэна не разрешала никому касаться пуль-

тов, кроме себя. Она была невысокой, широкоплечей, носила волосы обрезанными по подбородок, чтобы не попадали в зубцы механизмов. Разговаривала с машинами ласковее, чем с людьми.

— Резервный канал был открыт, — сказала она, показывая Ладе стеклянную трубку. — Свет ушёл. Весь. Но не на причал.

— Куда?

Маэна повернула распределительный круг. По трубкам побежали тонкие нити. Одна, чёрная, тянулась вниз, под фундамент башни.

— Туда, где по чертежам ничего нет.

— Покажи журнал.

— Он чист.

— После аварии?

— Слишком чист. Даже мои ругательства удалены.

Лада достала из-за пазухи приказ диспетчера. Бумага успела побледнеть, но текст ещё читался. Маэна увидела печать и резко закрыла дверь мастерской.

— Где взяла?

— На причале.

— Никому не показывай.

— Очень полезный совет. Керн сказал то же самое про табличку.

— И послушалась?

— Конечно нет.

Маэна поднесла бумагу к синему огню. Сургуч ПР-0 не расплавился.

— Этой смесью не пользуются сто лет. Можжевельник и свидетельская соль. Старые приказы запечатывали так, чтобы никто не мог изменить время выдачи.

— Здесь восемь десять.

— Вижу.

— Значит, кто-то знал.

— Или приказ создан после аварии, а башня заставляет его помнить более раннее время.

Лада посмотрела на чёрный канал.

В дверь постучали три раза — служебный ритм Палаты. Маэна спрятала приказ в вентиляционный паз.

Вошла префект Эда Сорн, сопровождаемая двумя стражниками. Серебряная цепь должности лежала на её тёмном воротнике без единой складки.

— Картограф Вейр, — сказала она. — Вас ждут в Палате для объяснений. Инженер Даль, башня переходит в режим внутренней проверки.

— По чьему распоряжению? — спросила Маэна.

Сорн показала документ.

Внизу стояла печать ПР-0.

Время выдачи: 08:10.

Маэна взяла документ двумя щипцами.

— Та же смесь сургуча.

Сорн не моргнула.

— Вы знаете состав служебной печати?

— Я знаю, чем она пахнет. Башня сегодня дышит можжевельником.

— Не делайте выводов за пределами своей должности.

— Тогда не приносите приказы внутрь моих механизмов.

Стражники напряглись. Лада ожидала, что Сорн арестует Маэну, но префект только сложила лист.

— Режим проверки означает: никто не входит в Сердечник, расходные журналы изымаются, персонал даёт показания отдельно.

— Если остановить смену, через два часа западные шлюзы потеряют свет.

— Назначены резервные инженеры.

Маэна коротко рассмеялась.

— Люди, которые считают линзу окном?

Сорн подошла к чёрной трубке. Та будто почувствовала её и стала прозрачной.

— Вы видите канал? — спросила Лада.

— Какой канал?

Чёрная линия была прямо перед ней. Лада поняла: Сорн либо лжёт безупречно, либо действительно видит иной механизм.

Префект велела стражникам проводить Ладу. На пороге Маэна уронила ключ. Лада нагнулась помочь. Инженер шепнула:

— Под восточной лестницей. Через час.

Допрос в Палате не начался: двор заполнили спасённые с причала. Они требовали вписать пропавших. У каждого был свой список, и списки не совпадали. Кто-то насчитал восемьдесят два имени, кто-то семьдесят девять. Система отвергла все.

Женщина-грузчица схватила Ладу.

— Мой брат Рев был там.

— Опишите.

— Высокий. Сломан нос. Всегда носил зелёный шарф.

Мужчина рядом сказал:

— У Рева синий шарф.

— Это другой Рев!

— Другого не было.

Их спор выел из бумаги обоих. Лада разделила людей на группы, заставила говорить не о лицах, а о действиях: кто с кем грузил бочку, кому передал крюк, кто задолжал обед. Сеть отношений удерживалась лучше имён.

Они восстановили восемьдесят одну запись. Для восемьдесят второй не хватило третьего голоса.

— Диспетчер, — сказала Лада. — Он знал табель.

Но диспетчер остался по ту сторону отсутствия.

У причальной тумбы Илар всё ещё тянул канат. Лада помогла. На секунду в воде проступил настил, полный людей, застывших в момент исчезновения. Они не двигались, но глаза диспетчера следили за берегом.

Лада крикнула:

— Сколько было на смене?

Его губы произнесли число. Вода заглушила.

Илар достал полированную пластинку и поймал отражение. В зеркале цифры читались: 183.

— Это не спасёт их, — сказал он.

— Но не позволит сократить до удобного числа.

Они записали сто восемьдесят три имени и пустые строки для неизвестных. Внизу Лада добавила собаку.

— Животные не участники реестра, — заметил писец.

— Она единственная вернулась из той версии. Значит, главный свидетель.

Собака лежала у тумбы, не позволяя отвязать канат. На ошейнике не было имени. Лада написала «Шесть» — по причалу, который город уже стирал с карт.

В назначенный час она вернулась к башне. Восточная лестница вела вниз, под машинный зал. Маэна ждала с потайным журналом.

— Свет, украденный у причала, распределён на восемьдесят одну ячейку, — сказала она.

— Мы восстановили столько имён.

— Значит, башня считала вместе с вами.

— А остальные?

Маэна перелистнула страницу. Две ячейки ушли в чёрный канал.

Одна имела номер диспетчера.

Вторая называлась: «АВАРИЙНЫЙ КАРТОГРАФ Л.

ВЕЙР».

Башня заранее выделила место для памяти Лады.

Глава 4. Следователь

Илар Тесс не любил места катастроф: там все лгали честно.

Человек, выживший случайно, помнил собственную ловкость. Начальник — приказ, которого не отдавал. Свидетель на дальнем берегу видел больше тех, кто стоял рядом, потому что расстояние оставляло место воображению. Илар привык не сердиться. Память не была хранилищем. Скорее, адвокатом, который начинал работу до появления обвинения.

Но на Восточном-Шесть лгал сам берег.

Он стоял у края набережной. На планах перед ним была вода. На камнях остались мокрые следы сотен подошв, обрывавшиеся у пустоты. К причальной тумбе всё ещё крепился канат; второй конец уходил в залив и натягивался чем-то невидимым.

— Не трогайте, — сказал Илар стражнику.

Тот уже занёс нож.

— Судно тянет.

— Именно.

Илар обвёл канат мелом, поставил номер улики и позвал архивного рисовальщика. Пока тот доставал планшет, белая линия мела исчезла.

— Ещё раз, — велел Илар.

После третьей попытки пропал сам кусок мела.

Префект Сорн наблюдала с расстояния, поджав губы.

— Лига Забвения заявит об атаке к вечеру, — сказала она.

— Нам нужен виновный раньше.

— Мне нужны факты.

— Факт: причала нет.

— Нет. Факт: мы не можем его подтвердить.

Сорн не любила такой точности. Руководители предпочитали существительные глаголам: исчезновение вместо «кто-то стёр», беспорядки вместо «мы не справились».

— Картограф Вейр нарушила приказ диспетчера, — сказала она.

— И вывела сто одного человека.

— Её вмешательство могло дестабилизировать привязку.

— Приказ выдан до аварии.

Сорн посмотрела на него чуть дольше положенного.

— Документ не найден.

— Значит, вы знаете его содержание от свидетеля.

— Следователь Тесс, ваш талант превращать беседу в допрос утомителен.

— Это не талант.

Он оставил её у воды и направился в Палату.

Комната допросов имела четыре одинаковые стены, чтобы ни один рассказ не получал преимущества направления. Лада Вейр сидела, положив забинтованные руки на стол. Плащ был прожжён у манжеты, на щеке засохла соль. Она не выглядела виновной; опыт подсказывал Илару, что это ничего

не значит.

— Разрешаете записывать показание? — спросил он.

— Бумагой.

— Свидетельская линза точнее.

— И делает копию, которую я не смогу отозвать.

— Можете ограничить срок.

— Бумагой.

Илар положил чистый лист.

— Сколько людей было на причале?

— Сто восемьдесят три по табелю. Возможно, собака.

— Сколько спасено?

— Сто один. Собака точно.

— Вы видели перерубленную ленту?

— Да.

— Кто мог это сделать?

— Любой с кусачками и доступом.

— Лига?

— Палата.

Он поднял глаза.

— Это обвинение?

— Перечень возможностей.

Она ему почти понравилась, и поэтому он стал осторожнее.

— Где приказ диспетчера?

— Исчез.

— Писец видел его у вас.

— Значит, не совсем исчез.

— Картограф Вейр.

— Следователь Тесс.

Он выдержал паузу. Большинство людей заполняло молчание словами. Лада заполняла его наблюдением: посмотрела на его перо, на левую манжету, на вентиляционную решётку. Отметила выходы.

— Вы что-то скрываете, — сказал он.

— Все что-то скрывают. Поэтому нужны три свидетеля.

— Где мальчик?

Её взгляд на мгновение остановился.

— Какой?

— Серое пальто, лет тринадцать, был на рынке и у гавани.

Ваш третий свидетель по дому семнадцать.

— Если всё знаете, зачем спрашивать?

— Чтобы увидеть, соврёте ли вы.

— Увидели?

— Да.

— И как?

— Экономно.

Она усмехнулась, но тут же стала серьёзной.

— Не впутывайте Саву. Он ничего не делал.

— Он украл адресную табличку из архивной тележки.

— Вернул.

— Вы знали.

— Теперь знаю.

Илар развернул лист, на котором она подписала предварительное показание. Подпись была ровной, с характерным разрывом в букве «В».

— Это ваша?

— Да.

Он положил рядом аварийный отчёт из гавани. Под ним стояло то же имя, тот же разрыв, тот же наклон.

Лада побледнела.

— Я не составляла этот отчёт.

— В нём сказано, что вмешательство было нецелесообразно и эвакуация запрещена вами в девять ноль пять.

— В девять ноль пять я бежала от Рыночной площади. Найдите башенные ворота, меня должны были отметить.

— Отметки нет.

— Тогда спросите Керна.

— Спрошу.

Илар убрал листы.

— До выяснения не покидайте город.

— Причалы исчезают. Это город покидает нас.

Когда она вышла, он сравнил подписи под увеличительной линзой. Подделка была совершенной, включая нажим повреждённой правой руки, которой Лада ещё не успела получить ожог в указанное время.

Кто-то не просто скопировал её подпись.

Кто-то заранее знал, как она будет писать после ранения.

Илар вернулся к набережной в сумерках. Канат всё ещё

уходил в пустую воду. Он потянул его вместе с тремя стражниками. Сначала показался обломок мачты, потом рука.

Она была прозрачной, холодной, но не мёртвой. Пальцы цеплялись за верёвку с другой стороны отсутствия.

— Держите! — крикнул Илар.

На мгновение из тумана проступил диспетчер в жёлтом жилете. Он смотрел прямо на Илара и беззвучно повторял одно слово.

Илар прочёл по губам: «приказ».

Стражник испугался и выпустил канат. Жёлтая фигура исчезла.

На ладони Илара остался клочок красной каймы. Он поднёс его к фонарю. В сургуче проступил круг, пересечённый чертой.

Печать была настолько старой, что Илар видел её только на документах эпохи Складки.

ПР-0 — Первый Регистратор, нулевая канцелярия.

Такой канцелярии не существовало четыреста лет.

Илар спрятал клочок каймы в свинцовый футляр. Обычный карман не годился: документ, связанный с отсутствующей версией, мог переписать соседние бумаги.

Стражник, выпустивший канат, сидел на камнях.

— Я держал, — повторял он. — Клянусь, держал.

— Почему отпустили?

— Рука исчезла.

— Чья?

— Моя.

Он поднял кисть. Она была на месте, но на коже не осталось линий. Свидетельская линза не могла снять отпечаток.

Илар попросил назвать три вещи, которые рука делала сегодня. Стражник вспомнил застёгнутый ремень, кружку, канат. После третьего ответа одна линия на ладони вернулась.

— Продолжайте до лечебницы, — сказал Илар. — Не позволяйте никому отвечать за вас.

На причале он восстановил цепочку событий. Перерубленная медь. Предварительный запрет эвакуации. Свет, отведённый вниз. Все улики указывали на подготовку, но мотив отсутствовал. Лига обычно уничтожала архивы демонстративно, оставляя манифест. Здесь преступник хотел, чтобы исчезновение сочли аварией.

Сорн вернулась.

— Вы ещё здесь.

— Место не закончило давать показания.

— Место не человек.

— Сегодня это спорный тезис.

Она увидела свинцовый футляр.

— Что нашли?

— Канат.

— Я вижу футляр.

— Тогда зачем спрашиваете?

Сорн протянула руку:

— Внутренний материал Палаты.

— Улика в расследовании.

— Расследование передано особой комиссией.

— Когда?

— Сейчас.

— Письменный приказ?

— Будет.

— Тогда сейчас расследование моё.

Илар ожидал угрозы. Вместо этого Сорн сказала:

— Ваша мать жила в Нижнем Рубеже.

Он почувствовал удар, хотя лицо удержал.

— Это не относится к делу.

— Относится ко всему, что вы решите дальше. Вы хотите справедливости для мест, которые считаете недооценёнными. Это достойно. И делает вас предсказуемым.

— А вас что делает предсказуемой?

— Число живых к утру.

Она ушла.

Илар нашёл Ладу в Палате у стола писцов. Она помогала спасённым восстанавливать табель. Делала это резко, без утешительных фраз, но ни разу не позволила человеку назвать пропавшего «примерно».

— Мне нужно повторное показание, — сказал он.

— Уже дала.

— Теперь о Керне.

— Сначала покажите, что в футляре.

— С чего решили, что там что-то?

— Вы держите левую руку дальше от тела. Значит, предмет способен влиять на записи или горячий. Горячее вы держали бы иначе.

Он показал клочок печати. Лада узнала код.

— У меня такой на табличке.

— Вы скрыли улику.

— Вы скрыли.

— Я поместил на безопасное хранение.

— У меня тоже безопасное.

— Где?

— Не у вас.

Илар неожиданно улыбнулся.

— Если мы собираемся мешать друг другу, предлагаю делать это по очереди.

Они договорились обменяться уликами при свидетелях: Маэне и Керне. Илар отдельно записал, что Сава не будет присутствовать без добровольного согласия.

На выходе писец догнал его с обещанным приказом особой комиссии. Время выдачи стояло на час раньше разговора с Сорн.

— Вы получили его только сейчас?

— Да.

— Кто принёс?

— Он появился в лотке.

Илар сравнил печать с клочком. Совпадали даже микроскопические трещины, будто один и тот же кусок сургуча су-

ществовал на двух документах.

Он вернулся в комнату допросов и проверил подпись Лады ещё раз. Под увеличением заметил то, чего не видел прежде: поддельная линия чуть опережала движение пера. Система не копировала прошлую подпись.

Она строила наиболее вероятную будущую.

Илар написал на чистом листе своё имя, намеренно изменив последнюю букву. Затем открыл ящик с готовым протоколом.

Под ним уже стояла его обычная подпись.

Он перечеркнул её и подписался новым способом.

Через секунду подделка тоже изменилась.

Кто-то наблюдал не за рукой, а за решением.

Глава 5. Чужая подпись

Керн хранил ошибки.

В его кабинете стояли ящики с кривыми картами, ошибочно пронумерованными улицами, планами мостов, которые инженеры передумали строить. На стене висела детская схема Рубежа: море занимало половину листа, башня была выше облаков, а дом автора — больше Палаты.

— Зачем? — спросила когда-то Лада.

— Чтобы город не решил, будто всегда был прав, — ответил Керн.

Теперь она разложила на его столе две подписи — свою настоящую и ту, что стояла под приказом. Керн надел увеличительное стекло.

— Хорошая работа.

— Слишком хорошая. Здесь учтён ожог.

— Возможно, копировали уже после.

— Временная печать не изменена.

Он снял стекло.

— Временные печати тоже лгут.

— Вы учите учеников доверять им.

— Я учу учеников доверять процедуре проверки, а не предмету. Иногда без успеха.

Лада встала.

— Утром вы знали про восьмого жильца. Теперь защища-

ете поддельный приказ. Что происходит?

Керн подошёл к окну. За стеклом маяк разрезал сумерки белым лучом. Когда свет проходил по комнате, ящики отбрасывали длинные тени.

— Есть аварии, которые можно исправить, — сказал он.
— И есть равновесие, которое держится потому, что никто не пытается понять его целиком.

— Это слова человека, который понял достаточно и испугался.

— Верно.

Лада ожидала возражения и растерялась.

— Кто такой ПР-0?

— Иди домой.

— Керн.

— Не показывай печать. Не ищи мальчика. Не спускайся в нижний архив.

— Я не говорила про нижний архив.

Он повернулся. В старом лице было не начальственное раздражение, а страх.

— Именно.

И тут из соседней, запертой комнаты донеслась музыка.

Четыре ноты. Лада поняла это по промежуткам между звуками, не по самой мелодии. Тело узнало раньше памяти: плечи опустились, в горле стало тесно.

— Что там?

Керн загородил дверь.

— Архивный резонанс.

— Это пела моя мать?

— Ты только что сказала, что не помнишь.

— Я помню, что не помню.

Она шагнула к двери. Керн схватил её за запястье, и это было страшнее крика: за пятнадцать лет он ни разу не удерживал её силой.

Музыка оборвалась.

— Если услышишь это снова, не отвечай, — сказал он. — Даже если голос знает то, чего не может знать.

— Вы знали мою мать.

— Иди домой, Лада.

Она вырвала руку.

— Я приду утром. С Иларом Тессом. И вы расскажете всё под запись.

— Под бумагу?

— Под линзу.

На секунду он улыбнулся — устало, гордо и почти прощально.

— Наконец-то научилась угрожать.

Дома Лада не зажгла свет. Села на пол у кровати, приложила ладони к ушам и попыталась восстановить песню.

Она знала, как мать сидела: боком к окну, подогнув ногу. Знала, что на подоконнике остывал яблочный пирог. Помнила дождь, царапавший стекло, и собственную детскую ладонь в большой тёплой руке.

Но внутри воспоминания стояла тишина.

Лада начала напевать наугад. Получалась уличная считалка, потом похоронный напев, потом ничего. Она рассердилась на башню, на дом, на мать за то, что оставила ей столь дорогую вещь, на себя — за то, что отдала её без торга.

В дверь поскреблись.

Сава вошёл, не дожидаясь разрешения, поставил на стол бумажный пакет.

— Ужин, — сказал он. — Ты обещала.

— Я обещала тебе.

— А я принёс тебе. Значит, долг запутался и можно не считать.

В пакете были две лепёшки и жареная мелкая рыба.

— Ты украл?

— Оскорбляешь. Одну украл, вторую выиграл.

— В чём?

— В беге после первой.

Лада хотела выгнать его, но отломила половину лепёшки.

— Ты следил за мной у гавани?

— За исчезающим причалом. Ты просто всё время оказывалась посередине.

— Почему ты помнишь удалённое?

Сава пожал плечами.

— Почему ты видишь швы?

— Училась.

— Врёшь.

Она посмотрела внимательнее. Под серым пальто он носил две рубахи, обе чужого размера. На шее висела костяная пластинка, обточенная так, что надпись исчезла.

— Чья?

Он спрятал пластинку.

— Никого.

— Это имя?

— Было.

— Твоё?

— Ты всегда задаёшь столько вопросов человеку, который кормит тебя твоей же едой?

Снаружи дважды ударил колокол. Сава замер.

— Это твой дом? — спросил он.

— Пока да.

— Тогда почему его тень идёт не туда?

Лада подошла к окну. Свет маяка двигался слева направо, а тень рамы ползла навстречу. На миг рядом с её комнатой проступила другая: голые стены, пустая кровать, на столе слой пыли.

Сава тихо сказал:

— В той комнате ты не вернулась сегодня.

Тень исчезла.

Лада схватила плащ.

— Куда?

— К Керну.

— Он велел утром.

— Поэтому сейчас.

На лестнице их встретил посыльный Палаты. Он протянул Ладе свёрнутый лист.

— Аварийное уведомление.

Бумага была подписана её именем.

«Картограф Лада Вейр подтверждает отсутствие оснований для расследования событий на Рыночной площади и Восточном причале».

Внизу стояло завтрашнее число.

Сава заглянул через локоть.

— Это ты?

— Ещё нет.

В подписи был разрыв буквы «В», точный наклон и нажим обожжённой руки.

А в углу — едва заметное тёмное пятно. Керн учил её ставить такие точки на документы, подписанные под принуждением.

Точка означала: «Не верь тексту. Ищи автора».

Лада побежала.

Сава держался рядом первые три квартала, потом исчез. Лада слышала его сверху:

— За нами.

На крышах двигались серые фигуры. Они не бежали; каждый раз, когда луч маяка проходил над улицей, оказывались ближе.

— Чистильщики?

— У них нет имён. Поэтому короткие пути их не забывают.

Сава свернул в прачечный двор. Между домами висели простыни; он дёргал верёвки, и мокрая ткань падала позади. Серые фигуры проходили сквозь неё, но на каждой простыне оставались отпечатки ладоней.

Лада запомнила их число: пять.

— Керн велел не искать тебя, — сказала она.

— Разумный.

— Почему?

— Может, хотел сохранить тебе работу.

— Мне — тебя.

Сава прыгнул с забора.

— Тогда опоздал.

У Дома мер улица была перекрыта. Сорн лично руководила оцеплением. Увидев Ладу, она приказала стражникам задержать её «для безопасности».

— Чьей? — спросила Лада.

— Города.

— Город дал показания?

— Сегодня достаточно.

Лада показала будущий документ. Сорн прочла, не прикасаясь.

— Провокация Лиги.

— С керновой тайной точкой?

— Значит, его заставили подписать.

— Завтрашним числом?

На лице префекта промелькнуло раздражение. Не удивление.

— Временные отметки повреждены.

— Вы уже проверяли?

Сорн велела взять бумагу. Лада сунула её за ворот.

— Только при трёх свидетелях и с правом отзыва.

— Документ не является вашей памятью.

— Подпись моя. Значит, является частью моей личности.

Вокруг собирались люди. Сорн не могла приказать обыск без открытого протокола. Она понизила голос:

— Керн годами удерживал аварийный контур. Если вы откроете то, что он запирает, исчезнет не улица.

— Что?

— Причина, по которой улицы согласны быть рядом.

— Красиво. Ничего не объясняет.

— Объяснение иногда и есть разрушение.

Серые фигуры вышли из прачечного двора. Их было уже четыре. Одна простыня сохранила пятую.

Сава прошептал:

— Они забыли своего.

Пятая тень металась на ткани. Лада сорвала простыню и набросила на ближайшего чистильщика. Тот застыл: свидетельство отсутствующего коллеги заставило его систему сверять состав группы.

— Беги! — сказала она.

Они нырнули в боковой проход Палаты, которым Керн пользовался, когда опаздывал. У двери Лада назвала старую ошибку плана — проход открылся.

Внутри было тихо. Из стен доносился скрип перьев: архив переписывал ночные события.

Сава увидел на столе стопку заранее составленных отчётов. В одном говорилось, что Лада погибла при попытке бегства. В другом — что добровольно призналась. Третий утверждал, что её никогда не нанимали.

— Какой выберут? — спросил он.

— Тот, который потребует меньше исправлений.

— А что произошло на самом деле?

— Пока мы ещё решаем.

Они прошли к лестнице Керна. Там их догнала серая фигура. Маска отражала возможные лица Лады: испуганное, мёртвое, покорное.

Чистильщик протянул руку:

— Передайте неподтверждённый документ.

— Назовите себя.

— Личность не требуется для функции.

— Тогда функция не может быть свидетелем.

Лада показала простыню с пятой тенью. Маска чистильщика треснула. На мгновение под ней оказалось лицо молодого мужчины с красными руками — восьмого жильца дома. Потом снова гладкое стекло.

— Ты, — сказала Лада.

Фигура отшатнулась.

— Имя?

— Личность не...

— Ты держал дверь. Ты ел кашу. У тебя был серый шарф.

Каждый признак причинял ему боль. Но вместе с болью возвращались черты.

— Рен, — выдохнул он.

Система тут же дёрнула его назад. Стена раскрылась и поглотила чистильщика, но на полу остался красный отпечаток.

Сава присел рядом.

— Теперь его снова найдут.

— Мы тоже.

— Зато не зря.

На лестнице сверху послышался первый погребальный удар.

Лада поняла, что бежала к Керну, а всё это время архив готовил для него прошлое, в котором он уже умер.

Глава 6. Разрешение на память

Илар Тесс догнал Ладу на мосту Костяных Дел.

— Если вы бежите к Керну, — сказал он, не сбивая шага,

— поздно.

Она остановилась так резко, что посыльный с корзиной ударился о её плечо и обругал обоих.

— Что значит поздно?

— Он не отвечает. Кабинет опечатан.

— Кем?

— Палатой.

— Он и есть Палата.

— Сегодня это, кажется, небезопасное качество.

Лада показала будущий отказ от расследования. Илар прочитал, провёл ногтем по тёмной точке.

— Условный знак?

— Кернов.

— Можно приобщить?

— Если я отдам, бумага исчезнет.

— Тогда разрешите снять свидетельскую копию.

— Нет.

— Картограф Вейр, у нас поддельные приказы, исчезнувшие люди и печать мёртвой канцелярии.

— Именно поэтому я не дам башне ещё одну копию.

Илар достал из внутреннего кармана маленькую ручную

линзу, положил на парапет, но не включил.

— Вы вправе задать ограничения: один экземпляр, локальное хранение, срок семь дней, уничтожение по вашему отзыву.

— Башня соблюдает отзыв?

— Закон требует.

— Дом семнадцать тоже был законом.

Он помолчал.

— Тогда бумага. Но я должен видеть, как вы пишете показание.

— Почему это для вас так важно?

— Потому что согласие, полученное без разрешения, — не свидетельство. Это сырьё.

Лада впервые посмотрела на него не как на препятствие. У него было усталое лицо человека, который каждое утро застёгивает форму, хотя уже не уверен, что ткань защищает.

Они переписали документ в сторожевой будке. Илар заверил время, Лада — содержание. Оригинал она оставила у себя.

— Теперь Керн, — сказала она.

— Сначала докер.

Один из спасённых с причала пришёл в себя в дешёвой ночлежке у Рыбной стены. Его звали Лор Невен, хотя хозяйка уверяла, что вчера он назывался иначе. Он лежал на матрасе, прижав ладони к вискам.

— Причал? — переспросил он. — Я работаю на складе.

— Каком? — спросил Илар.

— Восточном.

— Номер?

Лор зажмурился. Из носа пошла кровь.

— Не было номера. Бочки сами... нет, мы катили. Диспетчер сказал стоять. Он сказал, приказ...

Слово рассыпалось у него во рту. Он закашлялся, выплюнул на ладонь белую крупицу свидетельской соли.

Лада заметила порезы на внутренней стороне его предплечья. Не случайные: буквы, выведенные неровно, левой рукой.

«НИЖНИЙ БУДЕТ ОЧИЩЕН».

— Вы это написали? — спросила она.

Лор уставился на кожу.

— У меня нет ножа.

— Когда?

— Я не...

Его взгляд вдруг стал ясным.

— Женщина в сером халате. До смены. Сказала: если забудешь, тело прочтёт. Они проверяли списки. Кто годен помнить, кто слишком... — Он дёрнулся. — Не записывайте!

Илар накрыл ручную линзу ладонью.

— Она выключена.

— Башня слышит без света.

Окно ночлежки побелело. На стекле проступили четыре вертикальных штриха, словно кто-то провёл пальцами сна-

ружи.

Лор закричал. Его тело выгнулось. Лада удерживала плечи, Илар — ноги. Через минуту всё кончилось.

Докер открыл глаза.

— Вы кто?

Он больше не помнил ни причала, ни склада, ни собственного имени.

На улице Илар сказал:

— Мальчик нужен как свидетель.

— Нет.

— Он помнит то, что система удаляет.

— Поэтому его нужно спрятать, а не посадить перед линзой.

— Я не предлагаю линзу.

— Вы предлагаете сделать из него улику.

Илар застегнул плащ.

— Вы уже сделали. В тот момент, когда приняли его подпись.

Лада ненавидела его за правоту.

Сава ждал их на крыше ночлежки. Он лежал животом на коньке и смотрел вниз.

— Я не сяду перед линзой, — сообщил он.

— Подслушивал? — спросил Илар.

— Вы громко думаете.

— Ты видел женщину в сером халате?

— Видел тележку. Людей в неё не сажали. Из неё выни-

мали пустую одежду.

— Отведёшь?

Сава посмотрел на Ладу.

— Только если она обещает, что моё имя не попадёт в список.

Лада не успела ответить.

Со стороны города ударил колокол. Один, два, три коротких удара и длинный — смерть картографа при исполнении.

На белом маячном экране появилось имя:

КЕРН ДАЙ.

Причина: несчастный случай в закрытом архиве.

Время смерти стояло на два часа раньше их разговора.

Лада перечитала строку, надеясь, что цифры изменятся.

Бумага не дрогнула.

— Я говорила с ним после этого времени.

— Я тоже слышал ваш рассказ, — сказал Илар.

— Это не свидетельство разговора.

— Нет. Но повод проверить.

Сава уже спускался по водостоку.

— Куда? — крикнула Лада.

— Колокол не спрашивает разрешения, и я не буду.

Они пошли через Старый квартал. На перекрёстках люди обсуждали смерть Керна с уверенностью тех, кто узнал всё минуту назад. Один говорил, что картограф утонул; другая — что его убила Лига; торговец свечами клялся, будто видел тело ещё на рассвете. Чем больше становилось версий, тем

тусклее делалась надпись на башне.

Илар остановил торговца.

— Где именно вы видели тело?

— У северных ворот.

— Во что он был одет?

— В красный плащ.

Керн никогда не носил красного. И всё же на мостовой у ног торговца проступил багровый отблеск. Ложь, повторённая уверенно, начинала приобретать вес.

— Больше никому этого не рассказывайте, — сказал Илар.

— Вы запрещаете свидетельство?

— Я прошу отличать наблюдение от слуха.

— А на башне сказали...

— Башня не присутствовала при смерти.

Толпа притихла. Для Рубежа это звучало почти кощунственно.

У Дома мер их встретила наставница Илара — седая судья Аста Йор. Она сообщила, что комната Керна запечатана, а тело зарегистрировано по косвенному световому следу.

— Косвенному? — спросил Илар.

— Башня перестала получать его действующие свидетельства.

— Это доказывает отсутствие связи, не смерть.

— Для городского служащего одно влечёт другое.

Лада шагнула к ней:

— Он не служебная функция.

Аста посмотрела без злости.

— Именно поэтому не превращайте горе в плохое доказательство. Найдите три независимых подтверждения, и я открою печать.

— Удобно. Он был один.

— Смерть почти всегда происходит с человеком наедине. Закон строится не вокруг удобства.

Илар спросил:

— Кто первым сообщил?

— Автоматический контур ПР-0.

Аста произнесла код буднично, но большой палец её правой руки спрятался в кулак.

— Вы знаете эту печать, — сказал он.

— Я знаю, какие вопросы сокращают карьеру.

— Керн задал?

— Ты тоже задаёшь.

Она ушла, не попрощавшись.

Пока Илар спорил с караулом, Лада и Сава обошли здание. На мокром камне под окном архива лежала стеклянная крошка.

— Не трогай, — сказала Лада.

Сава уже поднял осколок рукавом. Внутри металась крошечная тень.

— Мужчина с красными руками, — прошептал он. — Тот, из дома.

Лада увидела только размазанную темноту.

— Что он делает?

— Тянет трубку через стену. Керн его видит. Керн... —

Сава зажмурился. — Он бьёт по трубе.

— Сколько раз?

— Пока не перестаёт быть сейчас.

Илар подошёл, и мальчик спрятал осколок.

— Мне нужно это как улика.

— Тебе всё нужно как улика, — сказал Сава.

— Иначе останется рассказом, который удобно отрицать.

— Отдам на трёх условиях. Без линзы, без моего имени и обратно мне.

Илар записал условия на бумаге и подписал. Сава внимательно проверил.

— Ты забыл срок.

— До окончания осмотра.

— «Окончание» решаешь ты. Пиши: до завтрашнего заката.

Илар исправил. Только тогда получил осколок.

Свет внутри погас, едва стекло оказалось на его ладони.

— Оно показывало, — сказал Сава.

— Верю.

— Не похоже.

— Вера — плохой способ хранения фактов. Но хороший повод начать проверку.

Лада посмотрела на закрытое окно Керна. За занавеской

шевельнулась фигура, хотя комната была опечатана.

Она подняла руку. Фигура ответила тем же.

Потом по стеклу изнутри медленно прошли красные пальцы и стёрли силуэт.

Колокол повторил погребальный сигнал. На этот раз башня исправила время смерти: теперь Керн умер минуту назад.

— Оно подгоняет запись, — сказал Илар.

— Под нас?

— Под то, чему мы готовы поверить.

Лада сжала будущий отказ от расследования.

— Тогда до утра ждать нельзя.

Илар посмотрел на караул, на окно, на Саву.

— Официально я запретил вам покидать дом.

— А неофициально?

— Я проверю северный вход через двадцать минут. Было бы крайне неудобно обнаружить, что он не охраняется.

Сава ухмыльнулся.

— Всё-таки полезный.

Перед уходом он вернул Илару осколок — точно до оговорённого срока.

— Я мог бы оставить, — сказал Сава. — Но тогда в следующий раз договор был бы пустым.

Илар завернул стекло в бумагу:

— Редкое понимание права.

Они разошлись в разные стороны, чтобы через двадцать минут встретиться у неохраняемого входа. Над ними маяк

ещё раз переписал время смерти человека, который при жизни учил не доверять исправленным картам.

Глава 7. Две тени

Маэна не верила в призраков. Призрак, по её мнению, был неисправностью, которой дали имя, чтобы не искать сломанный клапан.

Она поставила Ладу между двумя настроечными зеркалами на верхней площадке маяка.

— Смотри на пол.

Луч прошёл сквозь линзу. Тень Лады легла к востоку — резкая, тёмная. Вторая, слабая, вытянулась на запад.

— Отражение, — сказала Лада.

— Здесь нечему отражать.

Маэна закрыла одну створку. Первая тень исчезла. Вторая осталась и сделала шаг, хотя Лада не двигалась.

Илар подошёл ближе, но Маэна выставила руку.

— Не пересекайте. Мы не знаем, что она считает препятствием.

Другая тень остановилась у его сапога. На плече у неё сидел маленький тёмный контур, будто рука человека, стоящего рядом с Ладой в иной комнате.

— Это было перед исчезновением причала? — спросил Илар.

— Три недели, — ответила Маэна. — Сначала на секунду. Теперь почти минуту.

— Почему не доложили?

— Доложила. Ответ: «Оптическая погрешность в пределах нормы».

— Чья подпись?

Маэна показала журнал. ПР-0.

Илар не удивился, и этим выдал, что видел печать прежде.

— Кто умер в закрытом архиве? — спросила Маэна.

Лада смотрела на вторую тень.

— Керн.

Рука на плече тени сжалась.

— Лада, — тихо сказал Илар, — отойди.

Она отступила. Вторая тень осталась. На полу теперь была фигура без тела.

Маэна захлопнула обе створки. Площадка погрузилась в темноту. Когда зажгли обычные лампы, тени не было.

— Башня держит две карты Рубежа, — сказала она. — Одну выдаёт нам. Вторую прячет.

— Для чего? — спросил Илар.

— Машины не отвечают «для чего». Они отвечают «куда течёт ток». Чёрный канал ведёт под Сердечник.

Внизу послышался металлический лязг. Кто-то открыл внешнюю служебную дверь.

Маэна выругалась:

— Проверка Сорн. Вам нельзя здесь быть.

Она провела их через узкий мостик между линзами. Ветер пах озоном и водорослями. С высоты Рубеж казался собранием разноцветных черепков: верхние кварталы на камен-

ных террасах, нижние — на сваях, рынки, шлюзы, сухие каналы. За стеной лежало море, исчерченное линиями приливов.

Лада заметила человека на соседней крыше. Длинный тёмный плащ, коротко остриженные седые волосы. Он стоял против ветра, не прячась.

Орс Канн.

Его портреты висели у каждой заставы: адмирал без флота, глава Лиги Забвения, организатор трёх подрывов маячных станций. На плакатах ему добавляли хищный оскал. Настоящий Орс выглядел усталым.

Он поднял руку и бросил что-то через промежуток.

Лада поймала свёрнутый лист.

— Не открывай! — сказал Илар.

— Если взрывчатка умеет выглядеть как бумага, мы всё равно опоздали.

Это был список адресов. Двенадцать строк, рядом даты. Дом семнадцать стоял первым. Восточный причал — вторым. Третьим был насосный квартал.

Последней строкой значилось: «Нижний Рубеж. Полная очистка».

Дата — через четырнадцать дней.

Орс коснулся пальцами виска, будто отдавая честь, и исчез за скатом.

Илар потянулся к сигнальному шнуру.

Лада перерезала его ножом.

— Вы препятствуете задержанию.

— Я препятствую сообщению башне, что список у нас.

— Он террорист.

— А список настоящий?

Маэна поднесла лист к контрольному свету. В волокнах бумаги проступили водяные линии Палаты.

— Бланк внутреннего планирования, — сказала она. — Не подделка.

Снизу уже поднимались проверяющие. Лада спрятала список за подкладку.

Когда Сорн вошла на площадку, на её лице не было ни капли пота после четырёхсот ступеней.

— Вы снова оказались там, где не должны, Вейр.

— Профессиональная привычка.

Сорн оглядела зеркала.

— Инженер Даль, почему отключён основной свет?

— Устраняю две тени.

— Тень одна.

Луч вспыхнул. На полу лежала только обычная фигура Маэны.

Вторая исчезла — но на внутренней стороне списка Лада почувствовала движение, словно чья-то плоская рука медленно провела по бумаге.

Когда проверяющие ушли, она достала лист.

Рядом с насосным кварталом появилась новая отметка: «ЗАВТРА».

Бумага нагрелась так сильно, что Лада едва не выронила её.

Маэна прижала список к латунной плите. Новая надпись остыла, но не исчезла.

— Это не чернила, — сказала она. — Волокна сами потемнели.

— Значит, башня пишет через материал Палаты, — сказал Илар.

— Или Палата через башню.

Снизу донёсся голос Сорн. Проверяющие возвращались: кто-то обнаружил перерезанный сигнальный шнур.

Маэна открыла шкаф с рабочими куртками.

— Внутрь.

— Все трое? — спросил Илар.

— Если хотите объяснять префекту список, можете остаться снаружи.

Они втиснулись среди пропахших маслом тканей. Лада оказалась между Иларом и холодной стенкой, слышала его дыхание. Через щель видела, как вошла Сорн.

— Где картограф? — спросила префект.

— Ушла.

— Следовательно?

— За ней.

— Вы плохо врётё, инженер.

— Зато хорошо чиню. У каждого своя служба.

Сорн подняла с пола обрезок шнура.

— Лада Вейр получила доступ к материалам Керна?

— Спросите у неё.

— Спрашиваю у человека, отвечающего за маяк.

— Я отвечаю за клапаны, линзы и давление. За чужое любопытство ставок нет.

Сорн подошла к шкафу. Лада почувствовала, как Илар напрягся. Рука его легла на знак под плащом.

Префект остановилась в шаге.

— Большая чистка никогда не проводилась в Рубеже, — сказала она тихо.

Маэна не ответила.

— Если увидите такое словосочетание, это провокация. Уничтожьте носитель, не читая.

— Трудно уничтожить не читая и узнать, что уничтожила нужное.

— Узнаете по печати.

— ПР-0?

Наступила пауза.

— Я не называла код.

— Вы принесли его на приказе.

Сорн открыла шкаф рядом. Рабочие куртки качнулись. Затем шаги удалились.

Трое выбрались, когда закрылась дверь площадки.

— Она знает про чистку, — сказала Лада.

— Она знает термин и боится его, — поправил Илар. — Это не одно.

— Когда половину города вычеркнут, объяснишь разницу пустым улицам.

Маэна забрала список.

— Насосный квартал держит давление Нижнего Рубежа. Если его снять, исчезновение будет выглядеть как обычное проседание свай. Очень удобная первая костяшка.

— Эвакуация? — спросил Илар.

— Сама ослабит свидетельство. Но можно подготовить резерв: записать независимые признаки, вывести детей, не объявляя причину.

Они распределили работу. Маэна должна была проверить насосы. Илар — найти законный повод для технического осмотра. Лада — собрать аварийную группу. Ей досталась и самая неприятная задача: убедить Керна.

На выходе их задержала молодая смотрительница.

— Инженер Даль, вы просили сообщать о теневых расхожденииах.

Она показала стеклянную пластинку с изображением верхней площадки. На снимке было четыре тени, хотя при экспозиции стояли только Маэна и Сорн.

Третья принадлежала Ладе в шкафу.

Четвёртая была высокой мужской фигурой с рукой на её плече.

— Керн? — спросила Маэна.

Лада всмотрелась. Тень не имела лица, но на краю плаща угадывалась знакомая латка.

— Снимок сделан только что?

— Да.

Керн в это время, согласно башне, был мёртв уже несколько часов.

Илар перевернул пластинку. На обороте светом проступала строка:

«ВЕРСИЯ К-21: НАБЛЮДЕНИЕ ДОПУЩЕНО».

— К-21, — повторила Лада. — Двадцать первая линия.

Маэна разбила пластинку о поручень. Осколки продолжали показывать тени, каждая отдельно.

— Зачем?

— Потому что изображения иногда смотрят в ответ.

Один осколок действительно повернулся. Тень Керна подняла руку и указала не на Ладу, а вниз — под башню.

Там гудел чёрный канал.

Они спустились разными лестницами. На первом ярусе Лада заметила серое пальто Савы. Мальчик сидел на балке, куда не мог забраться без помощи.

— Ты следил?

— Я показывал дорогу человеку на крыше.

— Орсу?

— Он заплатил.

— Чем?

Сава показал маленькую костяную пластинку. На ней на мгновение проступило имя «НЕЯ».

— Отдай, — сказала Лада.

— Это моё.

— Он использует тебя.

— Все используют. Он хотя бы платит тем, что обещал.

Илар протянул руку:

— Орс сказал, где взял?

— В списках тех, кого город никогда не терял, потому что никогда не признавал.

На пластинке имя погасло.

Сава спрятал её за ворот.

— Он ещё сказал: если хотите спасти насосы, не доверяйте аварийному приказу. Там будет подпись Лады.

Лада развернула список. Рядом со словом «ЗАВТРА» появилась ещё одна строка:

«ОТВЕТСТВЕННЫЙ КАРТОГРАФ: ЛАДА ВЕЙР».

Подпись уже стояла.

Илар сравнил её с листом из допросной.

— Слишком ровная.

— Это комплимент?

— Вы сердитесь в конце фамилии. Здесь — нет.

Лада впервые обрадовалась собственному дурному характеру: у подделки не хватило причины для нажима.

Глава 8. Список

Сорн объявила список подделкой за пять минут до того, как начал исчезать третий адрес.

Совещание проходило в Зале Мер, под стеклянным куполом, где любой сказанный факт записывался светом. Лада стояла перед полукругом чиновников. Рядом Илар держал копию списка, Маэна — журнал расхода башни. Пустое кресло Керна никто не убрал.

— Бланк настоящий, — сказала Лада. — Временные отметки совпали в двух случаях.

— Именно так работает убедительная провокация, — ответила Сорн. — Лига использовала сведения о прошлых авариях.

— Будущая отметка появилась у нас на глазах.

— В присутствии инженера Даль, имеющей доступ к маяку.

Маэна фыркнула.

— Если бы я умела переписывать башню, отопление здесь работало бы.

Несколько младших чиновников опустили глаза, скрывая улыбки.

Сорн повернулась к Илару:

— Ваш вывод?

— Подлинность не установлена. Ложность тоже. Рекомен-

дую эвакуацию насосного квартала как меру без необратимой цены.

— Эвакуация подтвердит панику и сама ослабит район.

— Исчезновение ослабит сильнее.

— Вы говорите как картограф, а не следователь.

— Я говорю как человек, умеющий сравнивать последствия.

Купол вспыхнул янтарным: высказывание признано мнением, не фактом. Сорн воспользовалась этим.

— Палата не принимает решения на основании мнений.

Снаружи завывли аварийные трубы.

Первой исчезла вывеска насосного квартала. Затем вода в канале перестала отражать дома на одной стороне. Люди выбежали из мастерских. Зал Мер видел всё через купол.

— Совпадение? — спросила Лада.

Сорн распорядилась закрыть купол шторами.

Они добрались до квартала, когда северная насосная башня потеряла верхний этаж. Рабочие снизу продолжали слышать удары механизмов, которых уже не было.

Лада организовала свидетелей по знакомому правилу: не имена улиц, а конкретные признаки. Тёплая труба у стены. Трещина в форме крюка. Семьдесят две ступени к верхнему клапану.

— Семьдесят одна! — крикнул мастер.

— Нижняя под водой, — ответила ученица. — Она всё равно ступень.

Спор закрепил обе версии вместо одной. Башня качнулась.

Илар вывел людей, Маэна перекрыла давление. Лада поднялась к клапану. На площадке её ждал мужчина в форме чистильщика. Лицо скрывал серый капюшон.

— Уходите, — сказал он.

— Вы перерезали ленту на причале?

— Уходите, если хотите остаться в той версии, где задавали этот вопрос.

Он прыгнул за ограждение. Лада бросилась следом, но внизу не было ни тела, ни воды — только складка пространства, узкая как дверная щель.

На клапане лежала печать ПР-0.

Маэна сумела перенаправить насосы, и квартал удержался. Но трое рабочих верхнего этажа не вернулись. Их коллеги помнили голоса за отсутствующими стенами.

Когда Лада спустилась, Сорн уже выступала перед толпой.

— Атака предотвращена Палатой Мер. Виновные из Лиги будут найдены.

— Вы знали адрес, — сказала Лада.

Сорн продолжала, будто не слышала.

Лада подошла и протянула список. Толпа увидела строки.

— Следующий адрес — дом Керна Дая.

Сорн прервалась.

— Он мёртв.

— Дом пока нет.

Они побежали вместе — Лада, Илар, Маэна и двое стражников. Сорн не пошла.

Улица Керна была на месте. Дождь темнил камни, в окнах горел свет. Только люди, встречавшиеся навстречу, не могли ответить, где здесь дом старого картографа.

Лада нашла его по ошибке: водосток был нанесён на карту с восточной стороны, хотя всю жизнь находился с западной. Керн отказался исправить план, потому что по этой ошибке узнавал собственную работу.

Дом стоял прозрачный, как рисунок на тонкой бумаге.

На двери висела печать закрытого архива.

Изнутри донёсся один удар.

Потом второй.

Кто-то был там — после официальной смерти Керна.

Илар остановил Лад у серой верёвки.

— Если войдём сейчас, защита скажет, что мы уничтожили следы.

— Если не войдём, следы уничтожат себя.

Третий удар прозвучал слабее. Стражник у двери сделал вид, что ничего не слышал.

— Кто наложил печать? — спросил Илар.

— Внутренний архив.

— Имя.

— Приказ автоматический.

— Рука у приказа была человеческая.

Стражник посмотрел на сургуч.

— Чистильщица Орна. Она ушла час назад.

— Куда?

— У неё закончилась смена.

— Во время чрезвычайного протокола смены не заканчиваются, — сказала Маэна.

Илар отправил второго стражника за Орной, а сам обошёл дом. Лада присела у мостовой. Медная линия адреса была не перерублена, а аккуратно выведена из общего контура и замкнута на себя.

— Дом не исчезает, — сказала она. — Его изолировали.

— Разница? — спросил стражник.

— Исчезновение — когда город не может удержать место.

Здесь место удерживают так, чтобы оно не свидетельствовало наружу.

— Зачем?

Изнутри снова ударили.

Лада посмотрела на него:

— Чтобы никто не услышал это.

Илар не разрешил ломать печать, но нашёл юридический обход: объявил дом не архивом, а возможным местом продолжающегося преступления. Стражник всё равно требовал подтверждение начальства.

— До Палаты десять минут, — сказал тот.

— До следующего удара может не быть ни одной.

— Я потеряю должность.

— Запишите, что действовали по моему распоряжению.

— Ваше расследование под внутренней проверкой.

Илар снял знак.

— Тогда как гражданин Рубежа я слышу человека за дверью. Вы?

Стражник долго молчал.

Из дома донёсся пятый удар.

— Слышу, — сказал он.

— Маэна?

— Слышу.

— Лада?

— Слышу Керна Дая в его доме.

Три независимых свидетельства заставили серую верёвку вспыхнуть. Печать не снялась, но дверь вернула глубину.

Пока Илар подбирал ключ, Лада увидела на противоположной стороне улицы Сорн. Префект стояла без сопровождения, под дождём, и смотрела на дом.

— Вы знали, — крикнула Лада.

Сорн не приблизилась.

— Я знала, что он сделает глупость.

— Какую?

— Попытается вернуть то, что было удалено правильно.

— Людей?

— Причинность. Если вернуть одно свидетельство без остальных, город получит две несовместимые истории.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который оставит вас в живых.

Лада шагнула через верёвку.

— Вы его убили?

Сорн впервые потеряла спокойствие.

— Если бы я хотела его смерти, тело не осталось бы спорить.

Она развернулась.

Илар окликнул:

— Префект, приказываю остаться как свидетель.

— Ваш приказ не имеет силы в закрытом контуре.

— Тогда прошу как гражданина.

Сорн остановилась, но не повернулась.

— Я ничего не слышу, следовательно.

Она ушла.

В этот момент шестой удар расколол тишину. В окне появилась рука Керна, прижатая ладонью к стеклу. Лада бросилась к двери.

Ключ всё ещё не поворачивался.

Маэна достала из сумки тонкий провод и соединила замок с медной линией улицы.

— Дом подтверждён нами, но замок помнит приказ Палаты. Нужно заставить его выбрать более старое свидетельство.

— Как?

— Назови, когда Керн впервые дал тебе ключ.

Лада вспомнила мастерскую, ей четырнадцать, дождь хлещет по крыше. Она разбила окно, чтобы достать карту, вместо того чтобы ждать учителя.

— В год Двух Штормов. Он сказал: «Если запру важное, считай это приглашением».

Замок щёлкнул.

— Ещё, — сказала Маэна.

Илар назвал марку механизма и год установки. Стражник вспомнил, что дверь открывается внутрь.

Старая версия замка победила свежий запрет.

Перед тем как войти, Лада оглянулась. На мокрой мостовой у места, где стояла Сорн, осталась светлая сухая полоса.

Префект не отбрасывала отражения в дождевой воде.

Маэна тоже заметила.

— Вторая версия?

— Или она пришла не целиком.

Илар отметил сухой след мелом. Линия исчезла, едва коснулась мостовой, зато дождь продолжал обходить силуэт.

— Свидетельство без носителя, — сказала Маэна. — Сорн могла послать сюда сохранённую копию себя.

— Копия не принимает решений, — возразил Илар.

— Эта приняла: не осталась свидетелем.

Стражник у дверей услышал их и перекрестил пальцы старым морским знаком.

— Моя бабка говорила, башня иногда выпускает людей проверить, подходят ли миру их воспоминания.

— Ваша бабка была инженером? — спросила Маэна.

— Нет.

— Тогда она имела право говорить интересно.

Лада присела у сухого следа. В центре лежала песчинка чёрного стекла. Она завернула её отдельно. Если Сорн действительно пришла не целиком, оригинал мог находиться в другом месте в момент убийства — или, наоборот, копия могла совершить то, за что оригинал не считала себя ответственной.

— Не делаем вывод, пока не спросим живую Сорн, — сказал Илар.

— А как отличим?

Он посмотрел на дождь:

— Попросим обеих постоять под водой.

Стражник нервно рассмеялся. Из дома ответил ещё один удар. На этот раз в нём слышался ритм: три быстрых, один медленный.

Маэна повторила пальцами по перилам.

— Старый аварийный код картографов.

— Значение?

Лада знала. Керн заставлял учеников выстукивать его в полной темноте.

— «Запись наблюдает наблюдателя».

Они погасили фонари. Окна дома продолжали светиться изнутри, и на каждом стекле возникли их фигуры — но отражения стояли спиной к двери, будто уже вышли.

Из дома донёсся уже не удар, а скрежет металла по металлу.

Лада открыла дверь. Темнота внутри пахла можжевельни-

ком, кровью и яблоками.

Глава 9. Закрытый архив

— Печать цела, — сказал стражник.

— Значит, никто не входил через дверь, — ответила Лада.

— И не выходил.

— Это уже ваше желание, а не факт.

Илар присел у порога. Сургуч Палаты лёг поверх дверной щели, но нижний угол отстал от дерева на толщину волоса.

— Старый ключ, — сказал он. — Замок можно повернуть, не разорвав печать, если дверь открывается внутрь.

— Откуда знаете?

— Закон долго работает — люди учатся обходить его аккуратно.

У Лады был ключ Керна. Он вручил его ей десять лет назад со словами: «На случай, если я стану разумнее и запру от тебя что-нибудь важное». Ключ вошёл в скважину, но не повернулся.

— Дом уже не уверен в замке, — сказала Маэна. — Нужна привязка.

Лада положила ладонь на косяк.

— Я свидетель. Здесь кабинет Керна Дая. Дверь открывается внутрь. Замок заедает после дождя.

Илар добавил:

— Я свидетель текущего состояния печати.

Стражник не хотел быть третьим.

— За подпись мне отвечать.

— За человека внутри тоже, — сказал Илар.

Тот выругался и назвал себя.

Ключ повернулся.

Дверь открылась внутрь, сургуч остался висеть в воздухе тонкой красной полосой. За ней была прихожая, но расстояние до дальней стены менялось, когда Лада моргала.

— Не расходиться, — велела она. — Касайтесь одной стены.

Они шли вдоль старых карт. На каждой часть города была выскоблена до белизны. Из глубины дома донёсся третий удар.

Керн лежал в архивной комнате у стола. Голова была повернута к двери, одна рука сжимала молоток. Им он ударял по медной трубе отопления.

Лада опустилась рядом.

— Не трогайте, — сказал Илар.

— Я знаю.

Она не знала. Руки двигались сами: проверить пульс, поправить ворот, закрыть глаза. Илар мягко перехватил её запястье.

— Здесь всё может стать уликой.

— Он не всё.

— Поэтому.

Керн был холоден. Но на трубе остались свежие вмятины, а молоток сохранял тепло ладони.

Маэна осмотрела комнату.

— Время здесь идёт слоями. Снаружи он мёртв два часа.

Внутри последний удар был минуту назад.

— Можно вернуть слой? — спросила Лада.

— Вернуть — нет. Совместить — опасно.

На столе лежал лист с единственной фразой: «Не выбирай сохранённое только потому, что оно сохранилось».

Илар нашёл на шее Керна тонкую синюю линию.

— След петли?

— Нет, — сказала Маэна. — Отвод памяти. Такие трубки ставят в больницах, когда человек сам отдаёт свидетельство.

— Он не сам, — сказала Лада.

Комната была заперта изнутри, но одна карта на стене шевелилась от ветра. За ней обнаружился вентиляционный ход. Слишком узкий для человека, достаточно широкий для стеклянной трубки.

Илар вынул из рамы крошечный осколок. На нём блестела серая тканевая нить — такая, из какой шили халаты архивных чистильщиков.

— Керн сопротивлялся, — сказал он. — Ему отвели память, затем тело не выдержало.

— Почему удары после смерти?

— Потому что комната продолжала помнить его живым.

Лада закрыла глаза Керна. На этот раз Илар не остановил.

В дальнем шкафу щёлкнул замок. Створки распахнулись. Полки были пусты, кроме металлической пластины разме-

ром с ладонь.

Лада взяла её. На матовой поверхности проступила карта Рубежа — двадцать тонких береговых линий вокруг центральной башни. С краю оставалось пустое место, будто гравер собирался добавить ещё одну.

Под пластиной лежал клочок бумаги:

«Ладе. Если я не успею объяснить — это не ключ. Это вопрос».

Илар прочёл через плечо.

— Что за линии?

— Области.

— Их двадцать.

— Здесь место для двадцати первой.

За стеной послышались шаги. Не от двери — из той части дома, которой не было на плане.

Стражник поднял оружие.

Из стены выступила человеческая ладонь с красными, ободранными пальцами. Та самая, о которой говорил Сава. Она нащупала край карты.

Лада дёрнула пластину к себе. Ладонь сомкнулась на пустоте и исчезла.

Дом содрогнулся.

Снаружи кто-то закричал:

— Строение не подтверждено! Всем выйти!

Они вынесли тело Керна за секунды до того, как комнаты сложились одна в другую. На мостовой остались стены, кры-

ша и мебель, прижатая к окнам. Внутреннего пространства больше не было.

Илар накрыл Керна плащом.

— Кто знал о карте?

— Я не знала.

— Но кто-то пришёл за ней.

На металлической поверхности выступила тёмная капля крови с порезанного пальца Лады. Пустое место у края за-светилось.

Медленно, едва различимо, там начала чертиться двадцать первая линия.

Стражник первым предложил уничтожить карту.

— Если за ней пришли, нельзя позволить забрать.

— Следуя этой логике, — сказал Илар, — придётся уничтожить и нас.

Стражник отвёл глаза. В Рубеже такая логика давно перестала быть шуткой.

Маэна завернула пластину в изоляционную ткань. Свет не погас; двадцать первая линия проступила сквозь слои, тонкая, как шрам.

— Металл не местный, — сказала она. — Не ржавеет, не принимает температуру комнаты. КERN где-то его достал.

Лада перебирала вещи наставника. В кармане нашлись карандаш, две монеты, кусочек сушёной груши и билет на паром недельной давности. Обыкновенность предметов была почти оскорбительной. Человек собирался вернуться, зато-

чить карандаш, доесть грушу.

— Паром идёт к Соляным воротам, — заметил Илар.

На обороте билета Керн записал три адреса. Два уже исчезли. Третий принадлежал слепой продавщице ниток.

Они нашли её лавку закрытой. За дверью кто-то ровно сматывал катушку: шорох, пауза, шорох. Лада постучала условным знаком Керна.

— Входите, если принесли плохую новость, — сказала продавщица. — Хорошая найдёт другой дом.

Её звали Тасса. Она не удивилась смерти.

— Он приходил три дня назад. Попросил подтвердить плащ, если город забудет, кто его носил.

— Почему плащ?

— Потому что лицо легче подменить, чем привычку чинить локти одной и той же нитью.

Тасса провела пальцами по пуговице, которую Лада сняла с одежды Керна.

— Его. Левая петля потёрта сильнее: он теребил её, когда лгал.

— О чём он лгал вам? — спросил Илар.

— Сказал, что не боится.

Она достала из-под прилавка моток чёрной нити. Внутри был спрятан крошечный ключ.

— Велел отдать Ладе после третьего удара.

— Вы слышали?

— Весь квартал слышал. Но к утру большинство решит,

что это трубы.

Ключ подходил к тонкому отверстию на карте. Лада встала его. Металл раскрылся двумя пластинами. Между ними лежала прозрачная плёнка с фразой Керна:

«Двадцать — договор. Двадцать один — отказ».

Ниже были координаты закрытого реестра.

Илар спросил Тассу:

— Вы знали, что он расследовал?

— Он не расследовал. Он вспоминал то, что когда-то согласился забыть.

— Что именно?

— Спросите у его молодой версии.

— Это метафора?

Тасса улыбнулась:

— В нашем городе опасно рассчитывать.

На обратном пути Лада несла пуговицу отдельно от карты. Ей казалось важным, чтобы у Керна оставалась вещь, не превращённая в ключ.

У лечебницы их не пустили к телу. Регистрационная служба объявила, что личность умершего не подтверждена: кадровые записи исчезли, а дом больше не имел внутренней площади.

— Я его ученица, — сказала Лада.

— Родство?

— Нет.

— Совместное жильё?

— Нет.

— Финансовая зависимость?

— Он платил мне жалованье через Палату.

— Значит, ваше свидетельство заинтересованное.

Илар предъявил знак.

— Я видел тело на месте.

— Вы ведёте расследование. Заинтересованный.

Маэна тоже не подошла: обслуживала контур, где зарегистрировали смерть.

Сава появился с двумя жильцами дома семнадцать и трубочистом. Каждый принёс конкретную память о Керне. Старик Пар — как тот конфисковал опасную печь и потом тайком вернул зимой. Трубочист — как Керн держал лестницу. Тева — как он ошибся в имени её дочери и пришёл извиниться.

— Три независимых, — сказал Сава распорядителю. — Или покойникам тоже нужно быть богатыми знакомствами?

Личность подтвердили. Когда запись приняла имя, тело Керна стало тяжелее, черты — яснее. Лада поняла, что до этого уже начинала забывать форму его носа.

Она поправила ворот плаща.

— Я найду, что вы натворили, — прошептала она. — И что пытались исправить.

В кармане металлическая карта нагрелась. На стене холодной комнаты появилась тень другого Керна — молодого, с прямой спиной. Он стоял рядом с женщиной, чьё лицо

скрывал белый свет.

Женщина держала на руках маленькую Ладу.

Молодой Керн протянул руку, будто хотел остановить её, но изображение рассыпалось.

На стене осталось одно слово:

«ДОБРОВОЛЬНО».

Лада стёрла его ладонью. Под ним проступило второе:

«КОГДА-ТО».

Илар увидел и записал оба.

— Не выбирай сохранённое только потому, что оно сохранилось, — повторил он фразу со стола. — Возможно, он предупреждал не о карте.

— О моей матери?

— О любой версии прошлого, которая слишком хорошо объясняет настоящее.

Снаружи лечебницы кто-то прикрепил объявление о смерти Керна. Под причиной уже стояло: «убит Лигой Забвения».

Расследование ещё не началось, а город выбрал виновного.

Лада сорвала объявление. Под ним было второе, старее на вид:

«УБИТ ЛАДОЙ ВЕЙР».

Время печати — завтрашнее утро.

Глава 10. Двадцать первая линия

Палата отказалась хоронить Керна.

— До подтверждения личности и причины смерти, — сообщил распорядитель.

— Его имя сорок лет стоит в штате, — сказала Лада.

— В текущем штате отсутствует.

— Вчера он подписал три аварийных акта.

— Подписи проходят проверку.

Керн лежал в холодной комнате городской лечебницы, и даже там пространство вокруг стола начинало бледнеть. Если Палата не признавала умершего, город вскоре мог решить, что и тело ничьё.

Лада сняла с его плаща пуговицу.

— Что вы делаете? — спросил распорядитель.

— Создаю улику.

Она отнесла пуговицу слепой продавщице ниток. Та узнала работу мастера, который умер тридцать лет назад, и вспомнила, как Керн заказывал комплект. Трубочист вспомнил плащ на крыше дома семнадцать. Старик Пар — как Керн ругал его за самовольную печь.

Три независимых свидетельства. Человеку снова позволили умереть.

Похороны назначили через два дня, но Сорн запретила публичную церемонию.

Лада вернулась в мастерскую и заперла дверь. Металлическая карта лежала на столе. Двадцать первая линия исчезла, как только высохла кровь.

Она уколола палец снова.

Капля растеклась по поверхности. Известные области вспыхнули одна за другой: Рубеж, Пенная Дуга, Солёные глубины, Судовые острова. За ними, снаружи привычного мира, проявился берег.

Он не был островом. По очертаниям напоминал весь архипелаг, отражённый и немного сдвинутый.

В центре стояла ещё одна башня.

— Ты опять кормишь железо кровью, — сказал Сава из шкафа.

Лада едва не сбросила карту.

— Как ты вошёл?

— Дверь заперта для тех, кто согласен, что это дверь.

— Это не ответ.

— Зато полезный.

Он выбрался, держа яблоко.

— Где взял?

— У тебя.

— У меня не было яблока.

Сава надкусил и нахмурился.

— Тогда невкусное вдвойне.

Он увидел карту и перестал шутить.

— Там дом Неи.

— Чей?

Мальчик коснулся костяной пластинки на шее.

— Моей сестры.

— Ты говорил, имя было ничьим.

— Теперь не говорю.

Лада позволила ему подойти.

— Что ты видишь?

— Улицу, которой нет. Колодец с двумя вёдрами. Наша дверь зелёная, но Нея красила её синей. Она всегда всё начинала и не заканчивала.

На карте для Лады была только линия.

— Когда она исчезла?

— Три года назад. Чистильщики сказали, что я жил один. Потом улица стала короче.

— Почему не забрали тебя?

— Не нашли в списке. Чтобы стереть человека, надо сначала признать, что он есть.

Это прозвучало не как удача.

В дверь постучал Илар. Сава нырнул обратно в шкаф.

— Я знаю, что он там, — сказал следователь, входя.

— Тогда не открывайте.

Илар положил на стол стеклянный осколок из дома Керна и справку.

— Защитный реагент на трубке используется только внутренним архивом Палаты.

— Сорн?

— Доступ имеют двадцать семь человек.

— Вы?

— Имел до прошлого года.

— За что отняли?

— Задал вопрос, ответ на который уже был утверждён.

Сава высунул голову:

— Он мне нравится.

— Это пройдёт, — сказал Илар.

Они сопоставили карту Керна со списком. Каждая точка исчезновения лежала на линии, которая вела к маяку. Двадцать первая линия шла в обратную сторону — будто не отдавала память башне, а получала.

— Резервное хранилище? — предположил Илар.

— Тогда почему оно выглядит как весь мир? — спросила Лада.

Сава ткнул пальцем в край.

— Потому что это не хранилище. Это место, куда складывают «не было».

Металл под его пальцем потеплел.

Из карты донёсся звук: далёкий колокол, затем женский голос. Не слова — четыре ноты.

Лада отдернула руку.

— Ты слышал?

— Колокол, — сказал Илар.

— Женщину, — сказал Сава.

Карта погасла.

В мастерскую вошли стражники. Илар не успел спросить ордер.

Старший протянул распоряжение:

— Лада Вейр задерживается по подозрению в убийстве Керна Дая.

— Основание? — спросил Илар.

— Её подпись на приказе о закрытии архива. И свидетель видел, как она входила.

Лада посмотрела на Илара. Он едва заметно перевёл взгляд на окно.

Сава уже исчез из шкафа — вместе с металлической картой.

Лада подняла руки, прежде чем стражники успели прика-
зать. Илар встал между ней и дверью.

— Кто санкционировал?

Старший показал лист на расстоянии.

— Префект Сорн.

— Основание должно содержать проверяемый факт.

— Подпись.

— Поддельная.

— Это установит внутренняя проверка.

— После задержания человека, способного доказать подделку?

Стражник устало сказал:

— Следователь, не заставляйте выбирать между вашим знаком и её цепью.

— Закон как раз существует для этого выбора.

— Закон не кормит моих детей.

Лада коснулась локтя Илара.

— Я пойду. Нам нужно время, чтобы Сава ушёл.

Он едва заметно кивнул.

В коридоре она нарочно задела стол. Чернильница разбилась, стражники отшатнулись от чёрной лужи: разлитые чернила могли закрепить случайные слова. Илар громко потребовал составить акт о порче имущества. Пока они спорили, за окном мелькнули ноги Савы.

На площади задержание превратилось в зрелище. Люди узнавали Ладу по объявлениям. Кто-то кричал «убийца», кто-то — «она спасла причал». Противоречивые голоса рождали вокруг неё лёгкое дрожание воздуха.

— Не отвечайте, — тихо сказал Илар.

— Почему?

— Каждое возражение закрепит обвинение как предмет спора.

— Удобная система: молчание — согласие, ответ — подтверждение.

— Поэтому нужны процедуры.

У башенных ворот Лада увидела на медной раме собственный отпечаток. Время прохода доказывало алиби. Она не подавала виду.

В комнате ожидания Илар попросил снять браслеты, сославшись на ожог. Затем велел принести три журнала: воро-

та, водяные часы, караульную книгу.

— Вы ведёте её защиту? — спросил писец.

— Я устанавливаю факт.

— Префект ожидает признание.

— Тогда префекту следовало нанять драматурга.

Писец ушёл недовольный.

Лада сказала:

— Если карта откроет Саве ту улицу, он войдёт.

— Куда он обычно бежит?

— Туда, где нет адреса.

— Это половина Нижнего города.

— Он говорил о тележке чистильщиков. Они идут к Нижнему архиву.

Илар разложил журналы. Три времени различались на минуту, но каждое помещало Лад у ворот до создания поддельного приказа.

— Достаточно, — сказал он.

Вошла Сорн.

— Недостаточно. Ворота подчинены той же системе, что и подпись.

— Тогда вы признаёте, что система может подделывать записи.

Префект поняла ловушку.

— Я признаю необходимость проверки.

— На свободе.

— Вейр представляет риск.

— Для кого?

Сорн посмотрела на Ладу.

— Для самой себя. Керн тоже считал, что может удержать две версии правды.

— Что он нашёл?

— Ничего, чего вам следует искать.

Лада рассмеялась.

— Вы все повторяете это так, будто запрет — объяснение.

— Иногда запрет — дамба. Разумный человек не требует от неё философии во время шторма.

— А если за дамбой держат людей?

Сорн замолчала. Этой доли секунды хватило Илару.

— Значит, держат.

Префект приказала освободить Ладу под надзор следователя. Формально это была её победа; фактически — подтверждение, что арест не выдержит открытого протокола.

На улице Илар сказал:

— Сава оставил знак.

На водостоке была процарапана угловатая буква и стрелка вниз.

Они шли по отметкам через квартал весов. По дороге Лада заметила, что карта города на стендах меняется: улица Керна исчезла, дом семнадцать сдвинулся на соседний ряд, Восточная гавань теперь имела только пять причалов.

— Быстро, — сказала она.

— Что?

— Город заделывает швы в собственной истории. Завтра доказать что-либо станет труднее.

У Нижнего архива они нашли женщину в сером халате. Она грузила в тележку пустые рамки.

— Где мальчик?

— Какой мальчик?

— Серое пальто, — сказал Илар. — Вы видели его пять минут назад.

— Здесь дети не зарегистрированы.

— Я спросил не о регистрации.

Чистильщица посмотрела на него сквозь гладкую маску.

— Наблюдение без записи не считается произошедшим.

Лада схватила край тележки. Внутри лежала синяя дверная краска, костяная пластинка и ещё тёплая лепёшка.

— Сава прошёл сюда.

— Объект не установлен.

Илар снял маску с женщины. Под ней не было лица — только мутное стекло, в котором отражалась Лада.

Отражение улыбнулось раньше неё.

Они отступили. Чистильщица толкнула тележку в стену и прошла следом. Камень сомкнулся.

— Нижний архив, — сказала Лада.

— В официальных планах его нет.

— Тогда придётся воспользоваться неофициальным мальчиком.

На крыше мелькнул Сава. Металлическая карта в его руке

раскрылась, как зеркало. В воздухе появилась зелёная дверь.

Из-за неё девичий голос позвал:

— Сава, я здесь.

Мальчик сделал шаг.

Лада полезла на крышу, понимая, что поймать его должна раньше, чем город решит: сестра, которой не существовало, имеет больше прав на его память, чем живые.

Глава 11. Подозреваемая

Илар арестовал Ладу сам.

— Руки, — сказал он достаточно громко для стражников.

Она протянула запястья. Он защёлкнул браслет только на одном, второй конец пристегнул к себе.

— Это что ещё? — спросил старший.

— Защита свидетельской непрерывности. Подозреваемая не должна исчезнуть по дороге.

— Приказ велит доставить отдельно.

— Покажите.

Старший не показал.

Они вышли через заднюю дверь. На улице собиралась толпа: новость об убийстве Керна оказалась устойчивее самого Керна. Людям нравились преступления — у них были виновники, в отличие от аварий.

У первого перекрёстка Илар свернул не к Палате.

— Вы ошиблись, — сказала Лада.

— Я редко.

— Тогда куда?

— К башенным воротам. Вы утверждали, что проходили там утром.

Старший стражник схватил его за плечо.

— Следователь, маршрут предписан.

Илар повернулся так, что браслет натянулся.

— Назовите номер приказа.

— Устное распоряжение префекта.

— Тогда вы сопровождаете моё расследование, не руководите им.

Несколько секунд они мерились должностями. Победила та, что была записана яснее.

Башенные ворота помнили Ладу. На медной рамке сохранился отпечаток её ладони, время — 08:47 в день исчезновения причала.

— Поддельный отчёт подписан в 08:43, — сказал Илар.

— Она физически не могла быть в двух местах.

— Время ворот могло измениться, — возразил стражник.

— Могло. Поэтому мы проверим три независимых механизма.

Водяные часы показали 08:47. Журнал караульного — 08:48. Уличная торговка помнила, как Лада опрокинула её корзину перед девятым колоколом.

Илар снял браслет.

— Оснований для задержания нет.

— Префект...

— Может прислать письменный приказ.

Стражники ушли, пообещав вернуться с бумагой.

— Вы знали про ворота, — сказала Лада.

— Знал, что вы предложили проверяемое алиби. Это не одно и то же.

— А если бы механизм не подтвердил?

— Вы были бы подозреваемой, которую не дают стереть по дороге.

Она растёрла запястье.

— Спасибо. Наверное.

— Не привыкли?

— К чему?

— Благодарить закон, когда он работает.

— Обычно он просит три подписи.

Они нашли след Сава по мелочам: пропавшая булка, запахнутый чердачный люк, ругательства прачки. Он шёл к Нижнему архиву — месту, куда Керн запретил Ладе спускаться.

Вход располагался под старым Домом весов. Дверь не имела ручки, только углубление для адресной пластинки. Илар приложил служебный знак. Замок покраснел: доступ отклонён.

— Следователь Палаты не может войти в архив Палаты?

— После сегодняшнего меня это не удивляет.

Лада коснулась шва у двери. За стеной шёл второй коридор, не совпадавший с архитектурой здания.

— Сава прошёл там.

— Откуда знаете?

— Пространство сердится, когда его используют неправильно.

— Это технический термин?

— Станет, если запишете.

Они обошли здание. В водостоке застрял клочок серой ткани. Выше, на карнизе, блеснула костяная пластинка.

Сава стоял на крыше архива и держал карту Керна перед солнцем. За его спиной воздух сложился в тонкую дверь.

— Не двигайся! — крикнула Лада.

— Хороший совет человеку на краю, — отозвался он.

В металлической карте вспыхнула двадцать первая линия. Дверь стала шире. За ней виднелась улица: тихая, залитая голубым светом, с колодцем и зелёной дверью.

— Нея там, — сказал Сава.

— Ты видишь запись, не человека.

— Тебе удобно так говорить. Ты свою потеряла давно.

Лада полезла по водостоку. Илар остался внизу, готовый ловить обоих, что было бессмысленно и потому трогательно.

— Если войдёшь, можешь не вернуться.

— Здесь тоже можно не вернуться, просто стоя на причале.

— Карта принадлежала Керну.

— А улица — мне.

Из двери донёсся девичий смех. Сава подался вперёд.

Лада схватила его за пальто. Карта выпала, скользнула по черепице. Илар поймал её внизу, прижав к груди.

Голубая улица захлопнулась.

Сава ударил Ладу локтем, потом ещё раз.

— Ты не знаешь!

— Не знаю.

— Она звала меня.

— Знаю.

Он перестал вырываться и заплакал без звука, яростно, отвернув лицо.

На крыше появилась тень. Стражники вернулись с письменным приказом. В нём говорилось, что Ладу следует доставить немедленно, а мальчика — «изъять как незарегистрированное свидетельство».

Сава прочитал через её плечо.

— Вот поэтому я дальше обычно бегу.

Он толкнул ногой расшатанный лист железа. Тот с грохотом упал во двор. Стражники бросились туда.

Лада посмотрела на дверь Нижнего архива.

— Значит, идём внутрь.

— Внутрь чего? — спросил Илар. — Мы пока имеем стену и испуганного ребёнка.

— Не ребёнка, — автоматически сказал Сава.

— Испуганного взрослого?

— Так лучше.

Лада спустилась с крыши и приложила карту Керна к камню. Ничего. Она уколола палец, но Сава перехватил руку.

— Не корми её.

— Ты только что открыл дверью.

— Она открыла то, что я хотел увидеть. Это подозрительно.

Илар кивнул:

— Наконец разумное замечание.

Стражники окружали здание. У них был письменный приказ, а значит, спорить на улице можно было лишь минуты.

Лада осмотрела стену. Шов проходил не вокруг проёма, а по крыше и водостоку. Нижний архив был не помещением внутри Дома весов; он существовал в отвергнутом объёме, оставшемся после перестройки.

— Нужно подтвердить старую версию здания, — сказала она.

— Свидетели? — спросил Илар.

Сава указал на каменных рыб под карнизом:

— Раньше вход был со стороны канала. Когда канал засыпали, дверь стала стеной.

— Откуда знаешь?

— Нея водила меня. Она говорила, здесь можно спрятать имя.

Одно свидетельство.

Илар нашёл на кладке номер старого страхового реестра и восстановил план по памяти. Второе.

Лада назвала физический признак: в «стене» петли были спрятаны под штукатуркой. Третье.

Камень выдохнул пыль. Появилась дверь без ручки.

— Сначала я, — сказал Илар.

— Почему?

— Если за ней закон, он узнает знак. Если ловушка — я тяжелее.

— Убедительно только второе.

Он приложил знак. Дверь ответила красным светом и надписью: «ДОСТУП ОТОЗВАН».

— Когда? — спросила Лада.

Илар посмотрел на время.

— Три минуты назад.

— После того, как вы доказали моё алиби.

Он спрятал знак.

— Совпадение.

— Вы сами верите?

— В расследовании вера экономит силы, но портит результат.

Снаружи стражники начали зачитывать приказ. После третьего чтения он получал силу даже без добровольного исполнения.

Сава вставил в углубление костяную пластинку Неи. Замок дрогнул, но не открылся.

— Она зарегистрирована внутри, — сказал он.

— Как избыточная, — ответила Лада. — Этого достаточно, чтобы архив признал связь.

— Нужен ещё кто-то.

Илар положил рядом отозванный знак.

— Следовательно, которого здесь больше не признают.

Лада добавила ключ Керна.

— Картограф, которого собираются обвинить.

Три отвергнутых свидетельства.

Дверь распахнулась, но не в стене. Под ногами исчезла крыша.

До падения оставался один вдох. Лада успела схватить Сава, Илар — карту. Вверх полетели черепица и обрывок приказа.

Они ударились о наклонный пол. Стражники остались над ними, стуча по твёрдой крыше, которая снова решила, что никогда не была дверью.

Сава лежал поперёк Лады.

— Все живы?

— Определи живы, — простонал Илар.

— Можете жаловаться — значит, да.

В темноте зажглись ячейки с именами. Некоторые шептали, некоторые плакали. Одна произнесла:

— Сава.

Он вскочил.

— Нея?

Голос повторился из глубины коридора.

Лада удержала его за пальто.

— Мы идём вместе.

— Ты не имеешь права.

— Нет. Поэтому прошу.

Сава долго смотрел в темноту.

— Хорошо. Но если она настоящая...

— Тогда ты решишь сам. После того как проверим.

Илар зажёл маленькую лампу. На стекле проступил код

ПР-0, хотя лампа была его личной.

— Оно знает, что мы вошли.

— Пусть знает, — сказала Лада.

Впервые за эти дни ей стало не страшнее, а яснее. Наверху Палата могла подделывать подписи и время. Здесь, среди того, что город отверг, ложь хотя бы не притворялась порядком.

Они пошли на голос Неи. За их спинами дверь исчезла.

Через десять шагов голос разделился: один звал слева, второй справа.

— Настоящая Нея никогда не говорила «Сава», — прошептал мальчик.

— А как? — спросила Лада.

— Не скажу. Архив слушает.

Он выбрал третий, безмолвный проход. Илар убрал блокнот: начерченный путь исчезал с бумаги. Вместо записи он назвал три признака — запах ржавой воды, скол на нижнем кирпиче, холод справа.

— Посмотрим, что твой закон умеет без бумаги, — сказал Сава.

Слева голос Неи вдруг произнёс детское прозвище. Сава побледнел.

Архив всё-таки нашёл ключ.

Глава 12. Первый порог

Дверь Нижнего архива открылась не перед ними, а под ними.

Сава первым заметил, что черепица потеряла вес. Он успел сказать «ой» — коротко и почти вежливо, — прежде чем крыша стала стеной, стена полом, а трое людей и металлическая карта провалились в тёмный коридор.

Лада приземлилась на плечо. Рядом рухнул Илар, сохранив карту. Сава повис на трубе.

— Это и был твой план? — спросил Илар.

— Мой план был не умереть снаружи.

— Уточнять надо заранее.

Над ними стражники стучали по обычной, твёрдой крыше.

Коридор уходил вниз под углом, которого городская геометрия не допускала. По стенам тянулись ячейки с адресными пластинками. Многие были выскоблены. Из пустых ячеек доносились звуки: звон чашки, кашель, спор о цене рыбы.

Сава коснулся одной.

— Не трогай, — сказала Лада.

— Там старик Пар.

— Он жив.

— Поэтому и странно.

Лада отвела его руку. В конце коридора мерцал янтарный

свет.

— Нам нужен выход, — сказал Илар.

— Нам нужен ответ, почему приказал изъять ребёнка, — возразила Лада.

— Я не ребёнок.

— Тогда перестань трогать всё подряд.

— Взрослые тоже трогают. Просто потом пишут акт.

Они спустились. Коридор несколько раз раздваивался. На каждом повороте Лада видела шов: официальный путь был гладким, отвергнутый — дрожал, как воздух над огнём. Сава безошибочно выбирал отвергнутые.

— Ты был здесь? — спросил Илар.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

— Здесь всё кричит, куда ему запретили идти.

В одном проходе они увидели собственные спины. В другом — Керна, живого, несущего лампу. Лада рванулась за ним, но Сава схватил её за рукав.

— Это не он.

— Откуда знаешь?

— Он не видит меня.

Образ Керна повернул за угол и исчез. На полу осталась настоящая капля крови.

Стражники вошли в архив другим путём. Послышались команды, звон оружия.

— Быстрее, — сказал Илар.

Они добрались до круглого зала. В центре стоял реестр — не книга, а вертикальная водяная поверхность, внутри которой плавали имена. Тысячи светлых знаков поднимались и гасли.

У входа ждала Маэна с набором инструментов.

— Долго.

— Как вы вошли? — спросил Илар.

— Через дверь. Я инженер.

— Нас она уронила с крыши.

— Значит, сочла инструментами.

Маэна закрыла за ними решётку и заземлила замок.

— Я получила внутренний приказ найти вас и изъять карту. Решила уточнить, почему машина так нервничает.

Лада вставила пластину Керна в паз у реестра. Металл подошёл идеально.

Вода вспыхнула.

По залу прошёл голос, лишённый пола и возраста:

— Аварийный компонент опознан.

— Кто? — спросил Илар.

На поверхности возникло лицо Лады, детское, лет шести. Рядом — женщина, чьи черты вода не показывала.

— Уберите, — сказала Лада.

— Запрос не распознан.

— Я Лада Вейр. Требую доступ к приказам ПР-0.

— Лада Вейр зарегистрирована как компонент, не оператор.

Сава подошёл ближе. Вода отхлынула от него.

— А я?

— Запись отсутствует.

— Значит, не командуешь.

Он сунул руку в поверхность и вытащил светящуюся нить.

Реестр завизжал. На нити были нанизаны имена: Нея Ро, семейство Канн, десятки жителей дома семнадцать, люди с исчезнувшего причала.

— Отпусти! — крикнула Маэна. — Это активная связь.

Сава не мог разжать пальцы. Лада обхватила его запястье. Холод ударил до сердца. Перед глазами возникли чужие кухни, лица, кровати, детские страхи — слишком быстро, без права понять.

Илар и Маэна вытянули их вдвоём.

Световая нить лопнула. Имена рассыпались по полу и погасли, кроме одного.

«НЕЯ РО: ИЗБЫТОЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО».

Сава поднял имя сестры. Оно прошло сквозь ладони.

— Что значит избыточное? — спросил он.

Реестр ответил:

— Версия не требуется для устойчивости.

— Она человек.

— Категория не влияет на расчёт.

В решётку ударили стражники. Заземление Маэны заискрило.

Лада увидела на воде таблицу: кварталы, имена, числа. У

каждого — рейтинг вклада и стоимость сохранения.

Дом семнадцать имел отрицательный баланс.

Нижний Рубеж целиком был помечен серым.

— Это список будущей очистки, — сказала Маэна.

— Нет, — ответил Илар, листая даты. — Посмотрите на начало.

Самая ранняя запись была сделана восемнадцать лет назад.

Лада нашла знакомую фамилию:

ВЕЙР, ЭЛЕНА. УДАЛЕНА. ОСНОВАНИЕ: ДОБРО-
ВОЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В АВАРИЙНЫЙ КОНТУР.

Её мать не утонула.

Город использовал её — и приказал Ладе помнить смерть, которой не было.

Водяная поверхность дрогнула и предложила открыть личное дело.

— Стоимость доступа: одно равноценное воспоминание, — сообщил реестр.

Перед Ладой возникла кухня. Мать стояла спиной, резала яблоко тонкими ломтиками. Лада не видела лица, зато помнила маленькую родинку на запястье и то, как нож постукивал о доску.

— Не соглашайся, — сказала Маэна.

— Там объяснение.

— Там товар, выбранный под покупателя.

Сава смотрел на строку сестры. Рядом с ней реестр пред-

лагал ему то же: «восстановить сохранённую версию».

— Если отдать что-нибудь ненужное? — спросил он.

— Ненужного не примет, — ответила Маэна. — Цена должна удерживать причинную связь.

— То есть берёт не память. Берёт то, почему ты хочешь узнать.

Реестр оценивал вероятность предательства Илара в семьдесят четыре процента.

— Начальство ставило восемьдесят, — сказал он.

Илар не улыбнулся. Он потребовал копию собственного дела. Реестр отказал: человек имел право дать память, но не получить сведения о том, как её использовали.

Маэна нашла боковой пульт.

— Здесь ручной режим. Керн входил через него.

На металле сохранились отпечатки пальцев. Один принадлежал Керну, второй был женским и совпадал с контуром Лады.

— Мать? — спросила она.

— Или ты, позже, — сказал Илар. — Мы уже видели документы из будущего.

Лада приложила ладонь. Пульт узнал её, но назвал не именем:

— Аварийный компонент В-21.

— Почему двадцать один?

— Доступ ограничен оператором.

— Кто оператор?

— Доступ ограничен оператором.

В стену ударили снаружи. Заземление Маэны заискрилось; стража нашла решётку.

Илар быстро переписывал строки. Чернила исчезали, едва касались бумаги.

— Диктуй, — сказала Лада.

Он читал вслух, они повторяли по очереди. Не дословно — каждый закреплял отдельный факт. Маэна взяла даты очисток, Сава — имена вычеркнутых, Лада — коды приказов. Илар запоминал основания и подписи.

— Четыре неполные копии, — сказал он.

— Зато ни одну нельзя отнять целиком, — ответила Лада.

Сава потребовал имя Неи. Реестр показал дату удаления: три года назад, ночь Большого шторма. Основание — «отсутствие независимых подтверждений родства».

— Я подтверждал!

— На момент процедуры свидетель не имел регистрации.

— Я был её братом до регистрации.

— Категория не влияет на расчёт.

Он ударил водяную поверхность. Рука вошла по локоть, световые имена облепили кожу. На этот раз Лада не хватала его сразу.

— Сава. Скажи, чего хочешь.

— Вытащить её.

— Здесь не она.

— Ты не знаешь.

— Не знаю. Но если отдашь архиву всё, что помнишь, проверить будет некому.

Он медленно вытащил руку. На коже светилось имя сестры, затем погасло.

— Я хочу копию на моих условиях.

Илар помог сформулировать запрос: фактические сведения без переноса эмоциональной памяти, одна локальная копия, запрет внедрения, право уничтожения Савой. Система долго молчала.

— Запрос противоречит правилам хранения.

— Значит, правила противоречат владельцу, — сказал Илар и записал отказ на собственной коже.

За решёткой стражники начали обратный отсчёт до принудительного вскрытия.

Маэна нашла сливной клапан.

— Если открыть, реестр уйдёт в нижний резерв. Мы потеряем доступ, зато они тоже.

— А имена? — спросил Сава.

— Не уничтожатся. Переместятся.

— Ты уверена?

— Нет. Я инженер, а не жрица.

Лада посмотрела на дело матери. Кухня всё ещё ждала. Женщина повернулась вполоборота; ещё миг — и показалось бы лицо.

Она закрыла файл.

— Открывай клапан.

Маэна рванула рычаг. Водяная стена рухнула внутрь пола. Имена закружились, как светлая стая, и ушли по трубам. Последней исчезла строка Елены Вейр.

В зал ворвалась стража.

Илар поднял пустые руки:

— Реестр эвакуировался по аварийному протоколу.

— Кто запустил?

— Система.

Это была правда, из которой он аккуратно вынул причину.

Сава тем временем обнаружил за осушённой рамой узкий проход. На стене Керн процарапал карту выхода и фразу: «Нельзя украсть то, что распределено».

— Он знал, что мы придём, — сказала Лада.

— Или надеялся, что придёт кто-нибудь, — поправил Илар.

Они полезли в проход. Маэна замыкала и вернула клапан в исходное положение, чтобы стража решила: механизм сработал сам.

Тоннель вывел к старой счётной комнате. Там хранились физические журналы ранних чисток, до полной автоматизации. Лада нашла подписи людей — живых операторов, которые когда-то утверждали удаления. Среди них Керн. Рядом с его именем стояла точка принуждения.

— Он участвовал, — сказала она.

— И пытался оставить способ отменить, — ответил Илар.

— Это не искупает.

— Нет. Только объясняет, почему его убили сейчас.

В журнале Елены Вейр было написано: «добровольное включение в аварийный контур; согласие отозвано через семь минут; отзыв не принят».

Мать передумала. Система сохранила первое.

Из глубины тоннеля донёлся голос Керна:

— Лада, не позволяй им назвать первый ответ вечным.

Она пошла на звук, но Илар удержал.

— Он сам предупреждал не отвечать.

Стена за ними лопнула. Стража нашла проход.

Маэна разбила лампу, Сава схватил Ладу за руку. Они побежали во тьме, называя друг друга на каждом повороте.

Перед выходом Лада услышала женский голос. Тот не звал её дочерью и не просил вернуться. Он произнёс только:

— Отзываю согласие.

Тоннель содрогнулся, будто эти два слова весили больше четырёхсот лет молчания.

Глава 13. Слабая версия

Маэна отключила решётку за секунду до того, как она расплавилась.

— Внутрь! — крикнула она.

В дальней стене реестра открылся технический лаз. Сава пролез первым, за ним Лада. Илар задержался, чтобы заклинить наружную дверь металлическим знаком Палаты.

— Символично, — заметила Маэна.

— Дорого, — ответил он.

Они ползли по каналу среди тёплых стеклянных трубок. В каждой текли крошечные сцены: чей-то первый шаг, вкус груши, лицо женщины у окна. Свет уходил вверх, к башне.

Лада думала о матери. Елена Вейр. Имя было фактом. Факт не давал ни голоса, ни лица, ни ответа, почему дочь восемнадцать лет оплакивала выдуманное море.

Канал вывел их в малую счётную камеру. Здесь рейтинг был виден целиком.

— Это не стоимость людей, — сказала Маэна, быстро читая формулы. — Это стоимость согласованности. Чем больше свидетельств подтверждают место, тем дешевле башне его держать.

— А если место бедное, новое, населено незарегистрированными? — спросил Илар.

— Свидетельств мало. Версии расходятся. Цена растёт.

Сава указал на серые строки:

— И город их ест.

— Машина оптимизирует, — сказала Маэна.

— Очень утешительно.

Лада нашла дом семнадцать. Восемь жильцов, но только семь имён. Восьмой — «технический свидетель, временно внедрённый». Мужчина с красными руками был не жильцом; он удерживал дверь по приказу. После операции его списали вместе с адресом.

— Людей используют как штыри, — сказала она.

— Аварийные картографы делают то же воспоминаниями, — возразила Маэна, но тихо.

— Я выбираю.

— Пока цена не выбирает за тебя.

Илар копировал цифры на бумагу. Линзу не включал.

— Для суда нужны первичные приказы.

— Для какого суда? — спросил Сава. — Того, который считает Нею лишней?

— Другого у нас пока нет.

— Тогда сделай.

Илар поднял голову.

— Суды не делают в вентиляционной трубе.

— Всё когда-то делают первый раз.

Стражники шли по соседнему каналу. Маэна нашла за-
слонку, но механизм требовал авторизацию оператора.

Лада приложила руку.

— Аварийный компонент.

На этот раз система подчинилась. Заслонка закрылась, отрезая погоню.

— Ты говорила, что не оператор, — сказал Сава.

— Я не говорила. Это реестр сказал.

— А ты ему веришь?

Нет, подумала Лада. Но машина только что узнала её кровь и дала власть, которой не имел следователь Палаты.

Они добрались до камеры приказов. Там стоял круглый стол с двадцатью креслами. Девятнадцать покрывала пыль; одно было чистым.

На столе появлялись документы ПР-0. Ни один человек их не подписывал. Печать возникала сама, после расчёта рейтинга.

— Значит, Сорн может не знать, — сказал Илар.

— Она исполняет, — ответила Лада.

— Это не одно и то же, что создавать.

— Для исчезнувших разница невелика.

Маэна нашла журнал изменений. В нём значилось: «Правило слабой версии утверждено Первым договором. Молчание участников считается продолжением согласия».

Сава рассмеялся.

— Вот зачем та строка.

Четыреста лет никто не отзывал согласия, потому что никто живой его не давал.

В последнем приказе стоял Нижний Рубеж. До запуска

оставалось четырнадцать дней.

— Нужна копия, — сказал Илар.

— Бумага не вместит расчёт, — ответила Маэна.

— Тогда линза.

Все посмотрели на Ладу.

Она вспомнила просьбу Илара на мосту. Один экземпляр, срок, отзыв. Там речь шла о её словах. Здесь — о чужих жизнях.

— Снимай.

Илар включил ручную линзу. Свет коснулся стола.

Система мгновенно обнаружила их. Из стен выдвинулись отводные иглы. Маэна успела разбить две, третья обвилась вокруг запястья Лады.

Холод потянул из неё память.

Она увидела летний день, кухню, мать, режущую яблоки. Но прежде чем воспоминание ушло, Илар перерезал трубку своим знаком.

— Всё? — спросил он.

Лада проверила себя. Лето осталось. Лицо матери — смутное, как всегда.

— Всё.

Они вырвались через сервисный шлюз в подвал красильни. Над городом занимался рассвет.

Илар держал линзу с доказательством восемнадцати лет очисток.

Сава держал костяную пластинку сестры.

Лада держала только вопрос: если приказ создаёт машина, кого судить?

На улице люди Палаты уже расклеивали объявления:
«ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ГРУППА ПОХИТИЛА ВНУТРЕННИЕ ДАННЫЕ. СВИДЕТЕЛЬСТВА ГРУППЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ».

Под текстом стояли их четыре имени.

Имени Савы не было.

Вместо него: «неустановленный объект».

Сава сорвал объявление.

— Объект пригодится растопить печь.

— Не уничтожай, — сказал Илар. — Это доказательство различного обращения.

— Со мной обращаются как с доказательством, с бумажкой — как с человеком.

Он всё же отдал лист. Илар написал на обороте: «Сава Ро получил, прочитал и добровольно передал». Мальчик проверил формулировку.

— Откуда ты знаешь фамилию? — спросила Лада.

— Из закрытого реестра.

— Я тебе не говорил.

— Поэтому пока не внесу ни в один открытый.

Сава хотел огрызнуться, но передумал. Это была первая уступка между ними, которую никто не назвал вслух.

Красильня принадлежала трём сёстрам, различавшимся только цветом рук. Старшая, с синей кожей до локтей, спря-

тала беглецов в сушильной комнате.

— Платить будете работой, — сказала она. — Половина города разыскивает вас, вторая половина красит траурные ленты. За Керна.

Лада взялась полоскать ткань. Красная вода напомнила пальцы Рена. Маэна разобрала сломанный пресс. Илар переписывал доказательства на узкие полосы дешёвой материи: бумагу архив мог изменить, краситель вступал в слишком много химических связей.

Сава разносил ленты между ними.

— Восемнадцать лет чисток, — диктовал Илар. — Начало за месяц до исчезновения матери Лады.

— Не «исчезновения», — поправила она. — Включения в контур.

— Это формулировка реестра.

— Тогда пиши обе.

Маэна назвала цифры расхода. Сава перечислял имена, но дошёл до Неи и замолчал.

— Можно не сейчас, — сказала Лада.

— Если не сейчас, архив решит, что я согласился.

Он произнёс имя сестры. Синяя сестра-красильщица, ничего не спрашивая, повторила. Потом её две сестры. Три независимых голоса — слабое, но настоящее закрепление.

Костяная пластинка на шее Савы потеплела. На ней проступили буквы.

— Это вернуло её? — спросила младшая красильщица.

— Нет, — ответил Сава. — Но теперь исчезнуть ей будет труднее.

К полудню они распределили сведения между шестью тканевыми лентами. Ни одна не содержала полной картины. Чтобы подделать историю, Палате пришлось бы найти все.

— Нельзя украсть то, что распределено, — сказала Лада, вспоминая надпись Керна.

— И нельзя предъявить суду, — возразил Илар. — Суд требует целый документ.

— Соберём на заседании.

Синяя красильщица подняла руку:

— У нас каждая гильдия хранит свой цветовой рецепт. На общем смотре все приносят часть, смешивают при судьях. Палата признаёт такой порядок коммерческим свидетельством.

Илар оживился:

— Если зарегистрировать данные как совместный рецепт...

— Людей вычёркивают, а вы будете судиться за цвет? — спросил Сава.

— Иногда в закон входят через склад красок.

Они зашифровали имена оттенками, числа — солью, даты — временем выдержки. Илар потребовал открытого слушания о краже рецепта.

— Нелепо, — сказала Маэна.

Снаружи стража обыскивала соседние дома. Сёстры вы-

вели группу в рабочих халатах; лица закрыли шарфами от едкого пара. Берана Осса в капсуле спрятали среди бочек с белильным раствором.

На мосту караульный остановил их.

— Что в бочках?

— То, чем вы стираете пятна с формы, — ответила синяя сестра. — Хотите понюхать?

Караульный отступил. Но свидетельская линза над воротами засветилась, узнав Илара.

— Бегите, — сказала красильщица.

— Вы станете сообщницами.

— Мы уже повторили имя Неи. Поздно быть приличными.

Маэна перевернула тележку. Белый раствор растёкся по мосту, удаляя цвет с мундиров и дорожных знаков. Стражники потеряли обозначения чинов и начали спорить, кто кому подчиняется.

Группа ушла по каналу для сточных красок. Вода там меняла цвет каждые несколько метров. Сава вёл, выбирая оттенок, которого не было на официальной карте.

— Куда? — спросила Лада.

— К старой купальне. Нея там пряталась.

— Архив знает её воспоминания. Значит, знает место.

— Знает старый вход. Я сделал новый.

Он отодвинул кирпич у водосброса. За ним открылась сухая труба.

В купальне Маэна проверила капсулу Берана. Старик был жив, но не помнил последних десяти лет. Он знал своё имя и видел четверых в машинном зале — достаточно, чтобы подтвердить принудительное содержание.

Илар попросил разрешение записать.

— На чём? — спросил Беран.

— На ткани. С правом сжечь после суда.

— А если до суда умру?

— Тогда решение о хранении примет названный вами человек.

Беран долго думал.

— Никого не осталось.

— Можете назначить себя до смерти, а после — уничтожение.

— Хороший закон.

— Пока только договор.

Старик дал показание. Когда Илар закончил, Беран потребовал прочесть каждое слово и убрал два: «беспомощный» и «жертва».

— Я был пленником, — сказал он. — Это не одно и то же.

Лада увидела, как меняется Илар. Раньше он считал точность инструментом суда; теперь позволял свидетелю определять язык собственной боли.

Маэна нашла на капсуле серийный номер. По нему можно было установить, кто подписал перевод Берана в резерв.

Подпись принадлежала Сорн.

А поле окончательного утверждения заполнял ПР-0.

— Два решения, — сказала Лада. — Человеческое и машинное.

— Значит, нельзя спрятаться за системой целиком, — ответил Илар.

В этот момент на стене купальни проступила белая строка:

«СВИДЕТЕЛЬСКАЯ ГРУППА ОБНАРУЖЕНА».

Под ней появился вопрос:

«КТО ИЗ ВАС СОГЛАСЕН БЫТЬ СОХРАНЁН?»

Никто не ответил.

И впервые молчание не было согласием — потому что Сава заранее выцарапал это условие на каждой двери.

Глава 14. Голос в стекле

Они спрятались в старой купальне, закрытой после того, как вода перестала признавать температуру.

Маэна разложила инструменты на каменной скамье. Илар запер двери и написал на них мелом четыре имени. Сава дописал пятое — Нея — и никому не позволил стереть.

Лада села у пустого бассейна. Рука, которой коснулась игла, онемела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.